

МОГИЛЕВЧАНЕ И МОГИЛЕВСКАЯ ЖИЗНЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

РАЗИНКИНОЙ **Нины Марковны**
(р. 1934)

«Папа, **Марк Гамшеевич Разинкин**, родился в Могилеве в 1899 г. в довольно богатой семье. Об этом обычно очень мало говорили, но есть информация о том, что дед, **Гамшей Ицкович Разинкин** (1869—1942), имел в собственности довольно большие участки леса (они назывались тогда делянками), занимался лесозаготовками, имел небольшой кирпичный завод.

Дед был религиозным человеком и пользовался большим уважением в могилевской еврейской общине. Семья была большая. Жена его звали **Мария Марковна** (в русской транскрипции) **Коган**. Ее отец, как говорил папа, служил 25 лет солдатом в российской армии. Папа рассказывал, что в солдаты его взяли из-за большого роста и хорошего сложения. Ген роста оказался таким сильным, что и по сей день все(!) Разинкины — высокие.

Собственный дом Разинкиных находился где-то в центре города. Папа поступил в Могилевскую гимназию по процентной норме и окончил ее с хорошими отметками. Вероятно, тогда в Могилевской гимназии преподавали хорошие учителя, потому что, будучи уже старым человеком, папа без запинки читал латинские стихи.

К папе приходил домой учитель. Это было сделано для того, чтобы он смог получить серьезное религиозное образование. Учитель был строг и требователен. Если папа был недостаточно хорошо подготовлен к уроку, учитель говорил: «Марк, ты опустился, как собачий хвост!» Когда папа рассказывал нам об этом учителе, лицо его всегда освещалось радостной улыбкой.

В семье было пять сыновей, но для религиозного образования родители выбрали именно папу. И это, конечно, не было случайным. Его религией было (если так позволительно сказать) желание, нет, не желание, а просто

необходимость помогать людям — всем: евреям и неевреям.

О жизни семьи в дореволюционное время мы знаем немного. Поскольку семья была состоятельная, папа, по-видимому, боясь за нас, его детей, рассказывал об этой жизни скупое. Знаем, что семья жила в богатом доме. В центре Москвы по ул. Качалова (сейчас ей возвращено исконное название Малая Никитская) есть кирпичный одноэтажный особняк, в котором располагается чье-то



Верхний ряд (справа налево): **Мария Марковна Коган-Разинкина**, ее дочь **Паша**(?), ее дочь **Женя**, ее сестра.

Нижний ряд (справа налево): ее сестра, ее сын **Меер (Марк)**, ее старший сын **Исаак**, ее дочь **Женя**, ее младший сын **Борис** (окончил Бауманское училище, работал директором весового завода в Москве), ее сын **Саша**. Могилев, 1910 г.

Фото из семейного архива Разинкиной Н.М.



Гамшей Ицкович Разинкин. Могилев.
Фото из семейного архива Разинкиной Н.М.

посольство. Папа несколько раз подводил нас к этому дому и говорил (оглядываясь по сторонам, чтобы никто не услышал), что этот дом очень похож на их дом в Могилеве. При могилевском доме был сад. Дворника звали Андреем. У Разинкиных был свой выезд (коляска, лошади или одна лошадь). Когда семья бежала из Могилева (с приходом советской власти), папа решил взять на память несколько дверных ручек, чтобы сохранить предметы, к которым прикасались руки его родителей. Судя по этим ручкам, дом, действительно, был небедным.

В Москве семья Разинкиных поселилась в Кривоколенном переулке, там, где находится Мясницкая улица (переулок действительно имеет форму колена, название сохранилось до наших дней), в коммунальной квартире в одной комнате, разделенной занавеской. В таких условиях они оказались после весьма благополучной жизни в Могилеве.

В Москве дед стал работать ночным сторожем. Меня не перестает (до сих пор) удивлять то, что дед не ушел в себя, не превратился в мрачного молчальника. Он всегда был приветлив, ласков с детьми и внуками. Когда я вспоминаю его, то всегда вижу перед собой радостного, улыбающегося человека. Мама и папа нередко приводили меня к деду и бабушке. Зная, что мы должны прийти, дед сам открывал входную дверь и говорил: «Ниночка пришла! Как хорошо!» Прошло почти 70 лет, а я вижу его таким, счастливым от того, что он видит своих родных. Он умер в 1942 г. в эвакуации в Уфе. Там он ходил в синагогу.

Его останки папа перевез в Москву в 1968 г. Теперь дед покоится на Востряковском (еврейском) кладбище рядом со своими родными.

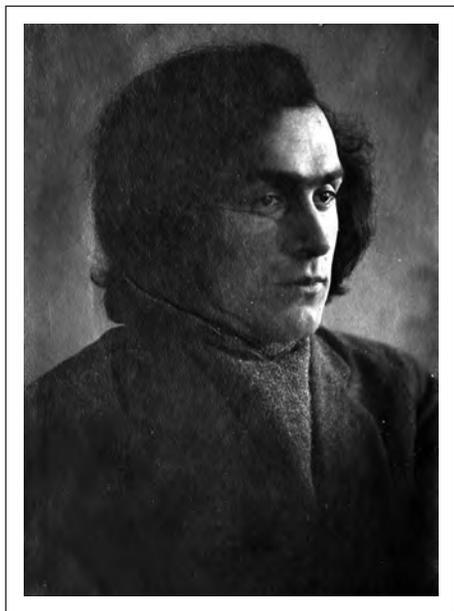
Не обошлось без вандализма. Младший сын деда, **Борис** (о нем я скажу ниже), работал директором завода по производству оборудования для торговли. По его специальному заказу на этом заводе был изготовлен особый ящик — такой, какой требуется по санитарным нормам для перезахоронения. Так вот, когда при установке памятника пришлось поднять слой земли, оказалось, что этот ящик был похищен. Слава Всевышнему, что останки деда остались нетронутыми: они так и лежали завернутыми в клеенку, которую моя мама дала папе перед его отъездом в Уфу. Жаль, что я не обладаю писательским даром, а то смогла бы рассказать о том, что я почувствовала, увидев эту нашу старую клеенку с потертыми углами, которая так долго лежала у нас на обеденном столе.

Характер у деда был мягкий. Впрочем, они все, Разинкины, были такими — удивительно мягкими, добросердечными и тактичными. Говоря о деде, моя мама нередко повторяла: «Хороший старик, очень мягкий». Свою свекровь, Марию Марковну, мама уважала и ценила, но характер у нее был иной. О ней мама говорила так: «Волевая старуха».

После того как семья перебралась в Москву, папу и деда арестовали и они несколько дней просидели в «предварилковке». За что их взяли тогда, трудно сказать. То ли за могилевскую собственность, то ли за религиозную деятельность. Вызвали их земляки, бывшие могилевчане, которые в то время в Москве занимали высокое по-



Гамшей Разинкин с младшим сыном **Мишей** (умер в начале 20-х гг. XX в. от ангины). Могилев.
Фото из семейного архива Разинкиной Н.М.



Марк Гамшеевич Разинкин.
 Фото ок. 1918—1920 гг.
 из семейного архива Разинкиной Н.М.

ложение. Среди них, кажется, был Марьясин (**Лев Ефимович Марьясин** — будущий Председатель Правления Государственного банка СССР — А.Л.), но это неточно. Во всяком случае, с родной сестрой Марьясина папа поддерживал дружеские отношения в течение долгого времени.

В 20-х — начале 30-х гг. семья отца бедствовала, перебивалась с хлеба на воду. Папа где-то работал, но работа была непостоянная, а время смутное. Вроде, был одно время агентом по снабжению какого-то предприятия. Специальность из-за переворота 1917 г. ему получить так и не удалось. Он был очень способным человеком, его речь была красива и выразительна. Если бы папа мог получить образование, он, я думаю, стал бы юристом.

В 1933 г. папа женился на еврейской девушке из Орехово-Зуево. Мама — **Файна Владимировна Флиер**. Ее родной брат, **Яков Владимирович Флиер**, был знаменитым (это не преувеличение!) пианистом.

Не знаем, как это было, но каким-то образом папа познакомился с **Беталом Калмыковым**, первым руководителем Кабардино-Балкарии, и тот к нему отнесся удивительно тепло (впрочем, по-другому к папе никто не относился). Было это, по-видимому, в самом конце 20-х или начале 30-х гг. Папа был назначен полномочным представителем Кабардино-Балкарии в Москве. Ему было выделено рабочее место, семье дали комнату в доме на Тверской, а потом две комнаты в коммунальной квартире на Большой Никитской. Когда мы переехали, мне было три с половиной года. Значит, это было в 1937 или 1938 г.

Бетала Калмыкова расстреляли в 1938 г. К счастью, на папе это особым образом не отразилось. Правда, должности он вскоре лишился, но могло быть гораздо хуже. У папы на долгие годы сохранились самые теплые отношения с вдовой Бетала, **Антониной**, и их дочерью **Светланой**. И это было в то время, когда от них отвернулись все. Если не ошибаюсь, **Антонина Калмыкова** была репрессирована, сидела в тюрьме.

Папа всегда был не очень сильного здоровья (худой, высокий, немного сутулился). Когда началась война, здоровье его оставляло желать лучшего, были проблемы с легкими. Он пошел работать на военный автогенный завод и получил бронь. Если бы не это, думаю, он погиб бы первым. Семья эвакуировалась в Свердловск, а папа всю войну оставался в Москве.

Первой заповедью каждого еврея является благотворительность, помощь людям. И в этом наш отец был до крайности последовательным. Он помогал не только знакомым и близким, причем не важно было, еврей это был, или нет. Был такой случай. На улице сидела цыганка и кормила грудью ребенка, а было очень холодно. Отец проходил мимо, разрезал свой шарф поперек (не могу понять, где он нашел ножницы) и отдал кусок цыганке. Он вернулся домой и ничего не сказал. Мама утром увидела и спрашивает: «Почему половина шарфа?» Он только сказал: «Хотел, чтобы она прикрыла грудь».

Папа рассказывал, что семья никогда не садилась за стол только в своем составе. Разинкины всегда приглашали в свой дом нуждающихся евреев. Теперь, с возрастом (мне 74 года), я начинаю все более глубоко понимать, что постоянная помощь тем, кто в ней нуждается, была не традицией, не моральным императивом, а просто самой формой существования. Вне этой помощи ни родители папы, ни он сам не мыслили своей жизни. И то, что в Москве мы жили бедно, не имело никакого значения: отдавалось последнее.

Эта традиция сохранялась у нас в доме. К моему брату, к сестре и ко мне приходили друзья, подруги. Их всегда усаживали за стол, хотя и у самих еды было не так уж много. Папа говорил одно и то же: «Хлеб есть, горчица есть, что-нибудь еще найдется».

Другое дело, что мама на него обижалась, что он дома не очень ей помогал. Но у папы был список дел, который он должен сделать: помочь двоюродной сестре, троюродному брату, к этому съездить в больницу, того вытащить из какого-то дела, помочь с похоронами и обустройством могилы и т. д. и т. п. Наш телефон никогда не замолкал.

После войны в голодные 1946 или 1947 г. папа часто ездил в Нальчик и жил там по несколько месяцев. Чем он там занимался, мы не знаем, но он привозил и присылал оттуда с поездом через проводника сухофрукты, патоку, мыло, лук, что для нас, конечно, в то время было роскошью. Все



Нина Марковна Разинкина и Владимир Маркович Разинкин свято берегут память о своих отцах и дедах

трудные годы помогала мамина семья: **Яков Владимирович Флиер** ежемесячно давал деньги. Помогали и мамини сестры: денег они дать не могли, сами жили трудно, но регулярно приносили нам продукты.

Когда папа был в Нальчике, кто-то написал донос, что Разинкин занимается спекуляцией. В 1948 г. к нам пришли с обыском, который длился всю ночь, и все описали. Собственно, кроме этих продуктов и описывать у нас было особенно нечего. Они забрали с собой кабардинский кинжал, старый подарок из Кабардино-Балкарии, и какие-то два колечка. Папу тоже забрали на Лубянку, он ушел с теми, кто делал обыск, но вечером его уже выпустили. Нетрудно представить, как мы провели этот день. К счастью, для отца этот случай остался без последствий.

Потом папа работал в бригаде по реставрации художественных изделий. Надо было начинать с нуля. Занимался там не самой квалифицированной работой. В бригаде работали, кроме папы, все русские люди. И выпивохи были отменные. А папа пить вообще не мог, ему после второй рюмки становилось плохо. Удивительно, но все члены его бригады относились к папе с большим уважением, что случается нечасто.

Несколько слов о детях деда. У него было пять сыновей и две дочери.

Старший сын — **Исаак** (1897—1958). Даже среди мягких и удивительно тактичных Разинкиных Исаак выделялся благородством характера. У него было больное сердце. Лечил его профессор **Вовси**, впоследствии объявленный «убийцей в белом халате».

С жильем в Москве всегда было трудно. Исаак и его жена **Анна Марковна Хургина** жили в подвале. Подвал был глубокий, но, к счастью, сухой. В нем было две комнаты. Вторую занимали две сестры-еврейки. Жили дружно, почти как

родственники. Одну из сестер звали **Бетя**, имя второй не помню.

На стене дома, у входа в подвал, кто-то написал огромными буквами белой масляной краской «ЯВРЕЙ». Так и красовалась эта надпись, пока после долгих, мучительных лет ожидания Исааку, как больному человеку, сердечнику, не выделили одну комнату в коммунальной квартире в новом доме.

Анна Марковна самоотверженно ухаживала за мужем. Это была не жертвенность, а любовь. Для нее он был Исачок. По-другому она его не называла. Ее он называл Аник. Когда я думаю о безупречно счастливых парах, первая, которая приходит на ум, это Исачок и Аник.

Еще один сын деда — **Саша**. Еврейского имени не знаю. Он был женат на русской женщине **Алевтине Тумаш**. Она была прекрасным человеком и как-то просто и легко вошла в еврейскую семью. Родители Саши, т. е. мой дед и бабушка, не возражали против этого брака. Может быть, время уже было другое, но, главное, нельзя было не полюбить Алю. Саша ушел на фронт в первые дни войны и не вернулся. Погиб в самом начале военных операций.

Борис Разинкин — младший сын. Ген высокого роста проявился в нем с особой силой. Даже среди своих высоких братьев он выделялся. Борис — единственный из детей деда, кому удалось получить высшее образование. Он окончил МВТУ им. Баумана. Преподаватели говорили о нем: «Разинкин — это генерал от математик».

Долгое время Борис работал на заводе, производящем торговое оборудование. Был его директором, не будучи членом партии и имея соответствующую национальность. Для тех времен — явление весьма редкое. Рабочие завода уважали и ценили своего директора. При этом Борис никогда не заигрывал с рабочими, никогда не стремился к установлению с ними каких-то особых отношений.

И папе, и Борису была присуща какая-то особая любовь к книге. А у Бориса Разинкина была такая особенность: когда он приходил к кому-нибудь в гости, то первым делом смотрел, нет ли в комнате книг и какие это книги. Затем, выбрав что-нибудь понравившееся, садился в укромное место, и от книги его уже нельзя было оторвать. Родственники сначала сердились, а потом привыкли к этой его особенности.

Еще один сын, **Миша**, умер совсем молодым (кажется, ему не было и двадцати лет) от стрептококковой ангины. Тогда антибиотиков не было. Бабушка (Мария Марковна) так и не пришла в себя после его смерти.

В нашей семье трое детей. Я, **Нина Марковна Разинкина**, родилась в 1934 г. В 1941 г., за три

месяца до начала войны (со всеми вытекающими отсюда последствиями), родился Володя — **Владимир Маркович Разинкин**. В 1946 г. родилась дочь — **Мария Марковна Разинкина**. Ее так называли в честь нашей бабушки, папиной мамы.

От папы мне досталась любовь к книге, к слову (Нина Марковна — ученый-лингвист, доктор филологических наук, профессор Института языкознания Российской академии наук. — *А.Л.*).

Володя «получил» от Флиеров артистизм. Он окончил театральное училище им. Щукина при Вахтанговском театре и режиссерский факультет в ГИТИСе.

Маша, как наш отец, видит смысл жизни в том, чтобы помогать людям».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ГОРДОН *Изабелы Григорьевны*
(р. 1934)

Братья Гордоны

«Белорусская земля всегда была богата талантливыми людьми. Среди них и мои близкие родственники: мой отец, **Григорий Соломонович Гордон**, и его три брата, которые родились в Могилеве.

Братья родились в еврейской семье. Моя бабушка, **Ханка Шефтель**, окончила гимназию,



Григорий Соломонович Гордон с женой.
Фото 30-х гг. XX в. из семейного архива Гордон И.Г.



Александр Семенович Гордон.
Фото из семейного архива Гордон И.Г.

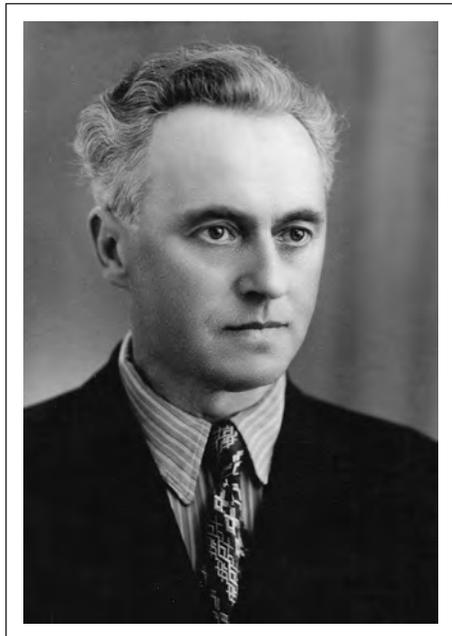
хорошо знала французский, немецкий, идиш. Однако была домохозяйкой, т. к. в семье было пятеро детей. Дедушка, **Соломон Гордон**, работал бракером пород дерева на местной фабрике. Он умер от голода во время Первой мировой войны.

Мой папа, **Григорий Соломонович Гордон**, родился в 1906 г., окончил историко-лингвистический факультет Ленинградского университета. Примерно с 1932 г. он был журналистом газеты «Камунар Магілёўшчынь». Писал очерки о простых людях, передовиках производства, о достижениях науки и техники. Все его статьи проникнуты неподдельной любовью к Родине. Он много времени отдавал работе, несмотря на плохое здоровье. Выбор журналистики как своей специальности был совсем не случайным. Еще в 1923 г. он с друзьями (**Михаилом Городником**, **Хитриным**, **Рояновым** и др.) выпускал рукописный журнал «Возрождение», где еще 17-летним юношей писал свои рассказы и стихи, переводы с древнееврейского. Журнал был прекрасно оформлен **Борисом Жоровым**, который представлял здесь же свои пейзажи и зарисовки. Папа фактически был не только редактором журнала, но и организатором литературно-драматического кружка. Юноши собирались вечерами, читали свои стихи. Были и девушки, и танцы, и чистая светлая влюбленность... К сожалению, отец ушел из жизни совсем молодым — в 1937 г. в возрасте 31 года. Похоронен на могилевском кладбище.



Братья **Марк, Павел и Александр Гордоны**.
 Фото из семейного архива *Гордон И.Г.*

Мой родной дядя, **Павел Семенович Гордон** (литературный псевдоним — **Кобзаревский**), рано начал заниматься литературным творчеством. Большую часть жизни работал над переводами на русский язык произведений белорусских писателей и поэтов. Я жила у него в Ленинграде, когда училась в институте. Помню, как длинными ночами стучала его пишущая машинка. Помню его выразительную внешность с богатой



Самуил Беркович Беркович.
 Фото из семейного архива *Гордон И.Г.*

шевелюрой седых волос. Он по натуре был добрым и щедрым человеком, всегда помогал материально малообеспеченным пожилым людям. В его квартире на Московском проспекте часто собирались ленинградские писатели, вели оживленные беседы о литературе. Среди собеседников была и его жена **Тася**, которая, к сожалению, была более десяти лет прикована к постели. Павел Семенович много раз спасал ее от смерти и в буквальном смысле носил на руках эту маленькую женщину. Он ушел из жизни в 61 год. В Ленинграде на еврейском участке кладбища установлен на могиле его бюст работы академика Заира Азгура.

Мой дядя, **Марк Соломонович Гордон**, после окончания

политехнического института остался в Ленинграде. После войны активно участвовал в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. В 1948 г., когда проводилась газификация в Ленинграде, был начальником одного из районов по газификации. Работал главным инженером завода «Сантехдеталь», начальником отдела капитального строительства теплосетей «Ленэнерго». В 1988 г. он побывал в родном Могилеве, после чего написал в газету «Могилевская правда» статью «Позірк праз дзесяцігоддзі», в которой с большой теплотой описал город своего детства.

Третий мой дядя, **Александр Семенович**, после окончания учебы в Ленинграде работал заведующим отделом в газете «Смена», инструктором райкома КПСС Фрунзенского отдела Ленинграда. В годы Великой Отечественной принимал участие в формировании народного ополчения и сам стал его добровольцем, все годы войны находился на Ленинградском фронте. Он по-настоящему был предан партии коммунистов. В годы войны во время одного из боев, когда погибли его товарищи, он, рискуя жизнью, спас их партийные партбилеты и смог доставить их в штаб. После войны был не один год корреспондентом газет «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград», более четверти века работал здесь директором детских домов и специальных школ. Ему присвоено звание «Отличник народного просвещения». Долгие годы Александр Семенович был председателем Совета ветеранов 3-й дивизии народного ополчения Ленинграда..

Хочу еще немного рассказать о своем отчине, **Самуиле Берковиче Берковиче**, который тоже жил в Могилеве до отъезда в Израиль. Он заме-



Обложка и разворот рукописного журнала «Возрождение», редактируемого Григорием Гордоном и оформленного Борисом Жоровым. Из семейного архива Гордон И.Г.

нил мне родного отца после его смерти. Самуил Беркович работал на заводе «Электродвигатель» токарем 7-го разряда, специалистом высшей квалификации, имел личное клеймо качества. Его фотографии постоянно находились на Доске почета завода, и даже после выхода его на пенсию часто публиковались статьи о нем в могилевских газетах. Он был беспредельно честным и совестливым человеком, всегда переживал за семью и работу. Очень переживал за выброшенный в мусор металл, пытался учить других, как можно использовать его в производстве. Он умер в Израиле в возрасте 97 лет. Мог бы прожить и до 120, но... его сбила машина».

но вынужден был уйти, т. к. не на что было жить. Он по ночам разгружал вагоны, но после работы рисовать уже не мог.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

АДЛИВАНКИНОЙ-ЖОРОВОЙ Лилии Борисовны

«Мой отец, **Борис Ильич Жоров**, родился 24 августа 1906 г. в Могилеве в семье шорника и портнихи. В семье было четверо сыновей. Отец — старший. Один из братьев, **Абрам Жоров**, стал известным белорусским скульптором. Он погиб на фронте в годы войны.

Папа тоже рисовал с детства. Занимался самообразованием, изучал иностранные языки. С друзьями, братьями Гордонами, в начале 20-х гг. организовали литературный кружок им. В.Г. Короленко. Ими издавался рукописный журнал «Возрождение», в котором публиковались первые пробы пера молодых авторов из Могилева. Оформление его и занимался папа.

Приехав в Ленинград, папа поступил в художественную академию на факультет графики,



Борис Ильич Жоров.
Фото 1922 г. из семейного архива
Адливанкиной-Жоровой Л.Б.



Борис Ильич Жоров.
 Фото 1940 г. из семейного архива
 Адливанкиной-Жоровой Л.Б.

Он поступил в Политехнический институт на специальность инженера-электрика. В одной группе с ним учился М. Ботвинник, будущий чемпион мира по шахматам.

После института работал диспетчером в Пермь-энерго.

Несколько лет перед войной провел в армии, в артиллерии. Служил на Западной Украине, в Армении (Ленинакан — Спитак). После армии работал в Ленинграде в Ленэнерго. В годы блокады, несмотря на дистрофию, продолжал работать. Участвовал в прокладке кабеля в осажденный Ленинград из Волхова по дну Ладожского озера.

Папа интересовался искусством, архитектурой. Очень любил Ленинград, в моем детстве очень много гулял со мной по городу и рассказывал о его красотах. Часто водил меня в «Эрмитаж» и Русский музей. Объездил со мной все пригородные дворцы и парки. После него осталось много фотографий как Ленинграда и пригородов, так и мест его военной службы (Армения). Он всю жизнь занимался фотографией. Участвовал и в фотоконкурсах. Снимал и во время своих наездов в Могилев.

Интересовался всем, что нового появлялось в Ленинграде: памятниками, музеями, станциями метро. Фотографировал до последних дней жизни.

Был очень добрым и отзывчивым человеком.

Умер рано — 2 мая 1970 г. в возрасте 64 лет. Сказались последствия блокады».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

АДЛИВАНКИНА Эдуарда Самуиловича

«Мой отец, **Самуил Михайлович Адливанкин**, родился в Могилеве 16 сентября 1909 г. Его отец, **Мовша Еселевич Адливанкин**, 1854 г.р., был сапожником. Его жена во втором браке — **Броха Самуиловна**, 1875 г.р. У деда было много детей: двое или трое от первого брака (из них я знал только дочь **Женю**) и от второго — **Ася, Маня, Самуил** (мой отец), **Юлий, Яков** и **Сима**.

Дед, бабушка, Сима и ее 5-летний сын **Юлик, Вера** (жена одного из сыновей от первого брака деда — **Иосифа**) и ее сын **Семен** (около 10 лет) погибли от рук фашистов в Могилеве.

Когда после освобождения Могилева муж Аси **Денис** (он был какой-то начальник в НКВД) попытался найти их тела и ему вскрыли общую могилу, он, здоровенный мужик, упал в обморок от этого ужаса. Он велел закопать и сказал, что они умерли вместе — пусть и лежат вместе. В их память отец на еврейском кладбище Петербурга поставил памятный знак.

Отец рано ушел из дома. Из образования у него было только хедер. Работал на спичечной фабрике в Новозыбкове, на металлургическом заводе на Украине и, наконец, оказался в Ленинграде, где работал некоторое время на заводе «Электрик» слесарем-лекальщиком.



Самуил Адливанкин.
 Фото 1927 г. из семейного архива
 Адливанкина Э.С.



Самуил Адливанкин в Анадыре.
Фото из семейного архива Адливанкина Э.С.

В 1930 г. был призван в армию и попал в зарождающиеся тогда танковые войска. Был механиком-водителем и, судя по всему, хорошим, так как в числе танкистов-стахановцев был награжден незадолго до этого утвержденным орденом Красной Звезды. Ему довелось сопровождать в Москву поезд с телом С.М. Кирова.

Впоследствии он окончил Ленинградские командные бронетанковые курсы и до 1957 г. прослужил в армии. Закончил службу в звании полковника, заместителя командира дивизии по технической части.

Всю войну работал в штабе Ленинградского фронта, в отделе бронетанковой техники. Обеспечивал оснащение «Дороги жизни» автотранспортом. К осени 1941 г. в Ленинграде на ходу было только тысяча автомашин, а требовалось не менее трех. Они организовали изготовление запчастей и ремонт в условиях блокады. Он мне рассказывал об этих событиях несколько часов. В условиях блокады организовывал эвакуацию с поля боя и ремонт танков, переход танков по льду Ладоги.

Когда потребовалось организовать перевозку по Финскому заливу танков из Лисьего Носа на Ораниенбаумский плацдарм, он сам грузил и расставлял тяжелые машины на палубе, чтобы обеспечить балансировку груза.

Был ранен на льду Ладоги, но в госпиталь не пошел. Лечился амбулаторно в штабе округа. С осколками от авиационного снаряда прожил всю жизнь. Так как в госпитале не лечился, то инва-

лидом войны его не признали, да он и не очень это отстаивал.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, тремя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и др.

Умер в 2000 г. в возрасте 91 года».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ТОЛПЫГО Натальи Сергеевны
(р. 1938)

«Мой дедушка, **Лейба Язгур**, был кустарь. На спуске от театра в полуподвальном помещении была пекарня, там же он и жил со своей семьей. После революции, когда эта небольшая собственность была реквизирована, он стал «лишенцем».

Бабушка, **Алга-Нехама Богорад**, была из очень уважаемого семейства. Ее отец был раввином в Могилеве. Она помогала деду печь булки, а младшие дети их носили на Быховский рынок. Дохода большого не было — жили очень бедно. У них было 11 детей: два сына — **Яша** и **Борис** и дочери — **Лея**, **Маня**, **Геня**, **Фаня**, **Соня**, **Ида**, **Песя** и младшая **Эстер**. Была еще **Рахиль**, но она умерла совсем маленькой.

Несмотря на то что дед был очень религиозным человеком, из всех своих зятьев он больше всех любил моего отца — нееврея. Дед очень любил готовить разные наливки. Он хранил их в таком чуланчике. Когда мама и папа приходили в гости, этот закуточек был открыт именно для папы.



Наталья Сергеевна Толпыго



Песя и Сергей Толпыго, родители Натальи Толпыго.
 Фото из семейного архива Толпыго Н.С.

Бабушка была очень хозяйственная и очень властная. Командовала в доме именно она.

Моя мама **Песя** была красивой способной девушкой. У нее было прекрасное сопрано, приятная речь. Семья была небогатой. Еще до того как маме исполнилось 18 лет, она пошла ученицей на кожевенный завод. Мой папа работал там бухгалтером. Он заприметил новую девушку и стал за ней ухаживать. Ухажер он был прекрасный, и мама в него влюбилась без памяти. Когда маме исполнилось 18 лет, отец сделал ей предложение. Ему тогда был 31 год. В маминой семье, конечно, все «встали на рога». Как можно выходить замуж за «гоя»? Разве мало еврейских парней? Ослушаться мама не могла. Все ее старшие сестры выходили замуж за того, кого им указывали родители. Мама стала чахнуть. Да еще у бабушки ампутировали ногу, и было ей очень плохо. Ухаживала за бабушкой моя мама. Как-то, когда состояние больной было критическим, бабушка завела с мамой разговор о замужестве. Мама сказала, что если не выйдет замуж за Сергея, то вообще не выйдет замуж. Через пару дней бабушка, подумав, сказала: «Если ты так его любишь, то выходи».

В «приданое» мама взяла только веник. Они с отцом поженились в 1934 г. После свадьбы родители поселились в частной квартире на Девре, жили бедно и голодно. Такое было время. Я родилась в 1938 г., а папу призвали в армию. Мама осталась одна с ребенком. Сестры не помогали ей. Они говорили: «Вот вышла бы замуж за еврея, не работала бы, как мы. А так — крутись сама!»

Позже, когда мама стала пожилой, она говорила: «Вот если бы я вышла замуж за парня, которого

мне сватали, я сидела бы дома, была бы толстая и не работала. Главным развлечением был бы базар. Как хорошо, что я за него не вышла!» По всему выходило из всех ее рассуждений, что это огромное счастье, что она вышла за своего деревенского Сереженьку. Папа был очень красив. Большеглазый блондин, чистый белорус. В нем всю жизнь чувствовалось крестьянское происхождение. Он не был эдаким «гусаром», но имел подход к женщинам. Отец был очень порядочным, ответственным человеком, и семья для него многое значила. Образования он не получил, только, как и мама, закончил рабфак. Но был достаточно тщеславен и честолюбив, чтобы до всего дойти своим умом и усердием.

Во мне всегда была раздвоенность, и я тяжело ее переносила. Я была чужой в семье мамы. У меня была презрительная кличка «Шикса». Не знаю, как это дословно переводится. Тетки меня игнорировали, относились свысока. Я ведь не еврейка, а вообще неизвестно кто. Не прощали мне ни красоты, ни успехов в учебе. А папины родственники ко мне относились прекрасно.

Одна моя приятельница, у которой тоже папа русский, а мама еврейка, уговаривала меня креститься. А я отказалась и объяснила, почему я этого не делаю. Я вспомнила войну, землянку с глиняным полом, построенную папой. В ней стояла кровать, под которой лежал саксаул. Саксаул вытаскивали понемногу и топили печку-буржуйку. Когда топлива становилось меньше, ножки кровати уходили в землю. Так что спали мы фактически на земле. Папа сбил нам маленький столик. На столике стояла консервная баночка, в ней картошка с фитилем. Керосин берегли, после ужина огонек сразу тушили. Мама очень тосковала по близким, по дому. Война вообще запомнилась страшной тоской. Маме было 26—27 лет, молодая, хрупкая. Рядом ребенок, которого неизвестно чем кормить завтра. И мама пела своим прекрасным голосом еврейские песни на идиш. Я навсегда запомнила эти мелодии. Креститься — это значит предать маму, предать память о страшных, холодных, одиноких маминых ночах. Этими песнями она вложила себя в меня.

Мама после войны устроилась на работу не сразу. Где-то года с 1950 пошла бухгалтером на санстанцию Могилевского района. Отец работал главным бухгалтером костеобрабатывающего (желатинового) завода.

Не терплю, когда плохо говорят о белорусах, но когда плохо говорят о евреях, во мне все восстает, закипает. В 6-м классе один мальчишка обозвал меня на всю школу «жидовкой». Я раскрутила папину полевую сумку на длинном ремне, с которой ходила в школу, да запустила в него. На следующий день маму вызвали в школу и сказали, что я избивала мальчишку. Мама ответила, что я правильно сделала, только мало. Сейчас я уже не ввязываюсь, а в молодости могла глаза выпарапать.

Я очень страдала от своей раздвоенности, от того, что не могу себя идентифицировать ни с евреями, ни с русскими. Однажды я спросила у священника: «Может, я так наказана своей раздвоенностью за то, что родители совершили грех — каждый пошел против своей веры?» А мне этот человек ответил, что любовь — это не грех. Мама и папа прожили бок о бок всю жизнь.

Папа умер в 1982 г., не дожив нескольких месяцев до 80 лет. Когда папу хоронили, его родственники подходили к маме, целовали ей руки и говорили: «Песя Львовна, если бы у Сережи была другая жена, он бы столько не прожил». Они очень ценили маму и как жену, и как человека. Мама пережила папу на 3 года.



Алта-Нехама Богорад и Лейба Язгур, дед и баба Натальи Толпыго. Фото было смонтировано в годы войны из сохранившихся довоенных.

Из семейного архива Толпыго Н.С.

После войны я окончила 7 классов школы № 11, в 1952 г. поступила в музыкальное училище, которое окончила в 1956 г. Потом окончила пединститут. До самой пенсии проработала преподавателем музыки и танцев в культпросветучилище. Подрабатывала в музыкальной школе в Буйничках, в Домах культуры им. Куйбышева и завода им. Кирова, в педучилище, пела в капелле **А. Мысова**.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЧЕРТИНОЙ-КОВАЛЕВСКОЙ **Елизаветы Семеновны**

«Мои воспоминания не претендуют на фактическую достоверность.

Родители едва успели убежать от войны с детьми на руках и рюкзаком за плечами — не до семейных фотографий и архивов им тогда было. Я никогда не знала, не видела и не слышала о родителях моих мамы и папы. О том, что у детей, оказывается, бывают дедушки и бабушки, я узнала по возвращении из эвакуации, семи лет от роду.

Где-то с четырех лет, когда начала сознавать себя, я запомнила, что все взрослые громко плачут, кричат, когда им особенно плохо; и есть где-то война, из-за которой всем плохо, и наш дом не здесь, а где-то далеко, где убивают людей. Из разговоров взрослых во время и после войны я составила представление о своих погибших родных. Потом, со временем, что-то уточнялось, добавлялось и изменялось. Намеренно со мной разговоры не вели (о прошлом, разумеется) и на вопросы отвечали неохотно, потому как расспросы обычно оканчивались слезами и головной болью у мамы.

Несколько раз я, будучи взрослой, ездила на родину мамы, расспрашивала соседей и их детей. Я знаю точно, что могу гордиться своими родственниками и горько жалеть, что фашисты лишили их жизни, а меня жестоко обокрали.

По маминой линии мои предки, **Сакины**, — крестьяне из деревни Селец Могилевского района, что в семи километрах от города по Бобруйскому шоссе. Я не думаю, что у них было другое занятие: у деда было две коровы и большой участок земли. Судя по тому, что они перед отправкой в гетто успели закопать в землю, и по рассказам сельчан, они были крепкие и далеко не бедные крестьяне. Дедушка **Мойша** («Рыжий Мойша» — так его называли крестьяне) возил молоко на сборный пункт в город. Он и шолом-алеихемовский Тевье-Молочник слились у меня в один образ. Дед был крепок, хотя перед самой войной его прооперировали в Ленинграде. Он быстро восстановился и продолжал работать. Был не стар — где-то между

55-ю и 60-ю годами. Да и, судя по кличке «Рыжий», седины у него еще не было.

Помню, в 70-х гг. глубокий старик **Яухим**, сосед маминых родителей, никак не мог наглядеться на меня, видно, искал черты деда у внучки и говорил-говорил о том, каким дед был работающим и крепким хозяином, и плакал от радости, что довелось ему увидеть внучку соседа, и все приглашал приезжать за картошкой по осени. А другая старуха из Сельца тогда же вспоминала, что носили крестьяне в гетто еду деду с бабой. Не знаю, правда ли это, но пусть это останется на совести рассказчицы.

У Сакиных был такой крепкий дом, что он сохранился до сих пор и стоит, разве что немного подновленный, на старом месте с правой стороны шоссе, ведущем из Могилева.

Про белорусов — не знаю, но у молодых евреев было принято тогда уезжать на учебу в Ленинград. Вот и старший сын деда, **Зяма**, уехал и окончил Военно-механический институт, получил бронь, но ушел добровольцем на фронт и погиб под Ленинградом. У тети **Ани**, единственной оставшейся в живых из семерых детей деда, сохранилась фотография, где Зяма — худощавый, подтянутый офицер вместе с молоденькой сестричкой. Он погиб где-то в 1942 г. Мама и тетя Аня в эвакуации успели получить от него письмо.

Дедушка был, по-видимому, простодушным человеком широкой натуры. Во всяком случае, очень общительным — это точно. Он подружился со своими постояльцами — немцами, жившими у них в Первую мировую войну. И никак не мог поверить, что теперь немцы другие. Бабушка **Рива** была по-



Роза Сакина

дальновидней. Она, как все матери, беспокоилась о судьбе своих детей. Бабушка была быстрой, ловкой хлопотуньей. Дом держала в своих руках, что отмечали соседи и много лет спустя. И моя мама, старшая дочь **Роза**, 1911 г.р., была такая же отличная хозяйка. Это помогло всем нам в эвакуации. Мы выжили благодаря маминной хозяйственности и крестьянским способностям. Помню маленьких цыпляток на крыльчке в Красноармейске, козочек Зайку и Белку, моих подружек в моем хозяйственном подворье волжского городка, маму в синем сарафане и неизменной белой кофточке, всегда аккуратную и красивую. Мама, как все старшие дети в крестьянских семьях, училась мало, точно не знаю, сколько. Зато она умела буквально все по дому и хозяйству. В 17 лет она ушла в город, жила недолго, кажется, где-то на Подгорной. Там папа увидел ее впервые и больше не отходил. Просить руку дочери у родителей он приехал в Селец на бричке. Это памятное в местечке событие не раз вспоминалось в семье и так дошло до меня.

Папа с мамой росли в различных семьях и в разных, как сейчас говорят, социальных условиях. Папа, **Соломон Абрамович Чертин**, 1903 г.р., насколько я знаю, родом из смоленских купцов. Когда я училась в Ленинграде в 1955—1960-х гг., папа, приезжая ко мне уже вдовцом, то и дело показывал мне невзначай окна то дома на Сенной площади, то в другой части города, говорил: «Вот здесь я был в 1924 г.» Тогда были еще живы его ленинградские родственники. Запомнилась квартира дяди **Вениамина** с многочисленными зеркалами, хрусталь, редкий в те годы, у тети на Мариинской площади. Папины предки были шорниками. В почете у них были меха и мануфактура. Когда папа брал в руки то или другое, он преображался. Куда девалась вечная печаль в глазах? Они загорались радостью, а руки так ловко проводили по ткани или меху. Ходили в семье слухи о богатстве дедушки **Абрама** до революции, но все это шепотом. Папа учился то ли в гимназии, то ли в реальном училище, точно не знаю.

Брат папы, **Ефим**, после войны жил в Смоленске, а Горки тоже были частью достаточно разветвленного семейного древа. После революции из всей папиной наследственной недвижимости осталась только пристройка к двухэтажному дому № 8 на нынешней Комсомольской улице, переданной в ЖАКТ. Он спокойно не мог проходить мимо своего родного дома. (Мама тоже после войны так ни разу в родной Селец и не съездила). Папа о себе и своей довоенной жизни почти не рассказывал, но его манеры и поведение за столом, грамотное произношение, умение быстро и легко считать в уме, и, я бы сказала, некая барственность, говорили сами за себя. Он явно жил не в свое время.

Папа лишился матери в 26 лет, в 1929 г., и ее длинные черные волосы долго висели в шкафу

отцовского дома. Моя младшая сестра боялась открывать его дверцу и играть в той комнате. Папа много читал до войны и помнил поименно всех довоенных библиотекарей Могилева. Он хорошо знал историю города, любил его больше других городов. Иногда, в настроении, рассказывал мне истории, подобно одной, особенно запомнившейся. «Как-то Николай II поднимался по Виленской улице на белом коне. С головы его слетела шапка, и в народе заговорили: «Раз шапка слетела, то и голова скоро слетит». Здание нынешнего училища культуры иначе как гостиницей «Бристоль» для офицеров не называл.

И этот грамотный интеллигентный человек, женившись по большой любви, попал целиком под влияние своей жены и ее семьи.

Я представляю жаркий июньский день 1941 г. Все дети, кроме Зямы, находились у бабушки в Сельце. Тетя **Рахиль** из Шклова с двумя детьми, тетя Аня, самая младшая, приехала из Мстиславля, где она преподавала биологию после блестящего окончания Витебского пединститута, дядя **Арон**, третий по старшинству после Зямы и мамы, последние дети, **Таня** и **Хоня**. Эти двое были еще совсем детьми. Один из них, однако, уже работал бухгалтером в колхозе, а второй то ли учился в 10-м классе, то ли только его закончил. Сжимается сердце от того, как я мысленно ставлю себя на место каждого из них в то трагическое время. Вот папа, вежливый, интеллигентный человек с несвойственной ему решимостью заявляет: «Мы уезжаем!» Теперь уже никто не может сказать, что ему ответили, но мудрая бабушка по подсказке своего материнского сердца велела Ане ехать со старшей сестрой — помочь с детьми. Понимала, что папу мобилизуют и мама останется одна. Не знаю, как было дальше, но с мамой поехала еще двоюродная сестра **Гита**, готорая таким образом тоже смогла спастись. После войны она вышла замуж за селецкого парня **Бому Городнера**. Он прошел всю войну, служил водителем у больших военачальников, умер совсем недавно, 2—3 года назад. Вся грудь у него была увешана орденами и планками от наград. После демобилизации он много лет работал в автобазе водителем автобуса «Селец — Могилев». Как он мог каждый день ездить по этой дороге детства и юности, по последнему пути в гетто своих родных и близких?!! Наверное, фронтовая закалка сказывалась.

Сестра **Нина** мне недавно рассказала, при каких обстоятельствах мы эвакуировались. Могилев уже бомбили, и мы грузились почему-то от станции Луполово. Ей запомнился походный рюкзак за папиной спиной и в нем ключ от квартиры. На вокзале случайно в толпе штурмующих поезд маму увидел из окна то ли сосед по Сельцу, то ли знакомый. Он и подал ей руку. Так мы и поехали в товарняке почти стоя. Кричали и плакали дети,



Соломон Абрамович Чертин

и я, как им казалось, больше всех. Однажды мама отстала, и ее чудом втащили в вагон.

Вначале нас отправили в Чувашию, потом в Саратовскую область — землю немецких колонистов. Город назывался Бальцером, но в 1941 г. его срочно переименовали в Красноармейск. Папу отправили на фронт, откуда демобилизовали в 1943 г. совсем больным. Выхаживала его мама.

В Сельце же тем временем до самого прихода немцев работали, как и прежде. Дедушка до последнего возил молоко в город: он не представлял себе иной жизни без привычной работы. По рассказам очевидцев, немцы приказали продолжать работать, а евреев уже в сентябре отправили в гетто в Могилев. В моей памяти отложилась версия о том, что часть колхозников по заданию власти успела со скотом дойти до Шклова, откуда их вернули немцы. За достоверность этого поручиться не могу. Но еще одну из историй, услышанную в том же Сельце после войны, хочу рассказать. Она о мудрости и справедливости народной. Как-то днем после выселения евреев к местным белорусам поступался их бывший сосед **Залман**. Изголодавшийся, измученный, он попросил поесть, чтобы идти дальше. Сосед налил ему тарелку супу, а сам побежал за полицаем. Тут же за домом Залмана и расстреляли. Этот суп стал последним для еврея Залмана. А для его соседа — последним днем, когда к нему с уважением относились односельчане. С тех пор они старались с предателем

не иметь дела и обходили его дом, а его семью несчастья преследуют уже полвека. Возмездие за предательство срока давности не имеет.

Самым смелым, почти до безрассудства, был второй брат мамы **Арон**. Он был студентом 3-го курса геофака, когда началась война. Погиб накануне освобождения Могилева, выполняя спецзадание партизанского командира Османа Касаева. Точно известно, что Арон был в концлагере. Арон сумел бежать из лагеря и попасть в партизанский отряд. Его младших братьев, **Таню** и **Хоню**, расстреляли фашисты. Представляю, с каким чувством он убежал, зная уже о судьбе братьев. До 1943 г. он успел отомстить убийцам своей семьи. Имя Арона записано в книгу «Память». Посмертно он награжден орденом, кажется, «За боевые заслуги». Его имя выбито и на памятнике в небольшой деревушке в Бельничском районе. Очень жаль, что я там так и не побывала.

Только в 1950 г. нам выделили комнату в сыром барачном помещении на улице Кавалерийской (Романова). Мама моя долго болела, так и не смогла оправиться от душевной травмы. Умерла в 1952 г., 16 апреля. Работала до последнего дня. Мы с отцом осиротели, но мой мягкий, нерешительный папа взял на себя всю тяжесть воспитания девочки. Он не хотел для меня мачехи, а себе не стал искать новую жену. Он жил вдовцом еще семь лет, пока я не определилась в жизни. Для меня он был и остается примером глубокой порядочности, честности, высокой душевной культуры. Я благодарна ему за то, что он дал мне возможность самостоятельно выбрать путь в жизни и не сломал меня, оставшуюся сиротой в переходном возрасте. Мне много дал мой школьный учитель языка и литературы **Михаил Иосифович Шульман**. Папа с ним много разговаривал и советовался в отношении меня и моего образования. Я и получила его в Ленинграде в соответствии со своими склонностями и интересами. Но это уже другая история.

Я намеренно не пишу дальше о себе, потому как свой рассказ посвящаю памяти всех погибших, перед которыми мы в неоплатном долгу».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ПУРИЖАНСКОГО Эдуарда Моисеевича США

«Мой дедушка, **Исаак Герчиков**, был плотником. После революции когда-то работал на заводе «Красный Металлист» на Луполово. В годы революции был членом Бунда. После роспуска Бунда в партию не вступал. После войны, будучи пенсионером, выполнял частные заказы

луполовских жителей по плотницкой и столярной части. Бабушка, **Мейта Боруховна Печерская**, работала швеей. Ее отец, по воспоминаниям, был меламедом. Бабушка, хотя в партии никогда не состояла, принимала активное участие в социал-демократическом движении в Могилеве, распространяла листовки, задерживалась полицией, однако царская охранка относилась к ней довольно гуманно. Они поженились в 1908 г., когда ей было 22 года. Их дочь, т. е. мою маму, звали **Басей**.

Я помню, что город в послевоенные годы был в развалинах, и на Луполово долго, еще в 1956—1957 гг., стояла разрушенная церковь. Впрочем, за дату не ручаюсь.

В послевоенное время идиш исчезал с уходом из жизни довоенного поколения. Моя мама говорила на идиш, но я — уже нет. Отдельные семьи выписывали «Советиш Геймланд». Я знал одну такую семью. Мое личное отношение к идиш: этот язык не вернется. Его постигнет судьба ладино. Будущее в еврействе принадлежит ивриту.

Советской власти и Сталину верили все, кого я знал. Мама плакала, когда он умер. Отец отнесся к этому спокойно: но он не был рожден в Белоруссии, и его социальное происхождение не было «пролетарским».

Из еврейских традиций в Могилеве в 50—60-х гг. соблюдались Песах, рош-гашана и в меньшей степени Ханука. К 80-м, я полагаю, это сошло на нет как в результате ассимиляции, так и в силу отъезда националистически настроенной части населения, способной хранить традиции. Кроме этого, старшее поколение, что-то знавшее, вымерло. Я сужу не только по Могилеву, но и по Минску, в котором жил с 1979 по 1988 г., откуда эмигрировал в Америку. Обрезание никому из тех, кого я знал, не делали.

В течение того периода, о котором я могу судить (1950—1988 гг.), отношение к религиозным евреям в Могилеве было безразличным. Мой дедушка (примерно до 1969 г.) посещал молитвенный дом (собственный дом какого-то верующего еврея на Луполово), где собирались по субботам старики. Точную фамилию его я не помню. Власти их не замечали или делали вид.

О массовом геноциде евреев узнал в своей семье. Семья моего отца была расстреляна в августе недалеко от города Невеля в селе Урицкое. Позже прочитал «Материалы Нюрнбергского процесса», имевшиеся в библиотеке им. Карла Маркса. В то время я учился в Могилевском машиностроительном техникуме (1961—1964 гг.). На кладбище находится памятник еврейским жертвам оккупации. Средства на него собирались среди еврейского населения. Помогали ли власти — не знаю. Официальная пропаганда геноцид замалчивала.

В целом, я находил отношение к евреям в Могилеве более открытым и менее враждебным,

чем в Минске. В тот период, когда жил в Минске, часто приезжал в Могилев, где жили мои родители и сестра. Разница была заметной. В Минске антисемитизм был неприкрытым в силу ряда причин. В Могилеве, очевидно, сказывалась меньшая миграция из деревни, и я помню молочника, белоруса, на Луполово в 60-х, который разговаривал с моей бабушкой на идиш. Однако среди луполовских мещан, переживших оккупацию и поживившихся еврейским добром, было немало антисемитов. Я не думаю, что это определялось их национальностью — белорусы, поляки или украинцы. Отдельные инциденты помню, однако статистикой не располагаю. Соседка по дому в пылу гнева напоминала моей бабушке о евреях в луже крови, которую лизали собаки, по-видимому, она что-то такое видела. Отношения же на работе в большинстве случаев были нормальными.

Меня национальностью попрекали достаточно часто. Особенно в школе. Мое еврейство сказалось и на моей работе.

Я выехал из СССР в 1988 г., и антисемитизм был решающей причиной, повлиявшей на мой отъезд. Решение эмигрировать в Америку, а не в Израиль было принято по настоянию жены, у которой в США к тому времени жили все родственники».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

**ГОЛЬДИНОЙ (Генкиной)
Миры Лазаревны**
(р. 1916)

«Родилась я в городе Щорсе в 1916 г. Жила там, потом в Донбассе и Орджоникидзе. Перед войной я уехала в Гомель к родственникам. Там познакомилась со своим будущим мужем — **Борисом Исаковичем Гольдиным**. Он окончил там институт, стал юристом, адвокатом. Познакомились мы перед самой войной. Борис ушел в армию, и началась Финская кампания. Он тяжело переживал нашу разлуку и написал отчаянное письмо с просьбой приехать. Я поехала. Он был болен, лежал в госпитале. Поставили диагноз: онкозаболевание. Дали «белый билет». Мы уехали в Минск, устроились на работу. Неожиданно заболела дочь **Лариса**, и врач советовал сменить место жительства. Зна-

комый позвал в Могилев, где муж мог бы работать по специальности.

Жили очень бедно. Муж был честнейший адвокат и никогда не брал никаких подношений от подзащитных. Это был очень интеллигентный человек, который никогда не повышал голоса, был справедлив и выдержан.

Но вспоминается такой случай. Кто-то решил отблагодарить мужа и оставил у нас дома сверток. Это был огромный торт, но я не знала, что там. Когда муж пришел и обнаружил подарок, он так кричал, что я и дети до сих пор помним этот скандал. А как-то одна женщина принесла десяток яиц. Потом, когда она появлялась в нашем доме, дети кричали на всю лестницу: «Папа, смотри: опять взяточница идет!»

Многим людям помог мой муж. Но однажды к Борису пришел его друг и сказал: «Ты должен уйти с работы и развестись с женой, если не хочешь, чтобы тебя посадили». За одну ночь муж стал седым. Друг помог устроиться на работу в Дашковскую школу преподавателем истории КПСС. Это были очень трудные 50-е гг., «дело врачей», конец сталинского правления. Я не получала писем от отца, который жил в Израиле. Даже открытка, которая и сейчас хранится у меня, пришла не на мой адрес. Но, тем не менее, во многом из-за этого жизнь мужа была так исковеркана. В это время умер Сталин. Мужа восстановили на работе, даже назначили заведующим юридической консультацией. Времена изменились. Но муж был уверен, что справедливость помог восстановить Сталин, которому он писал много писем. Конечно, это было не так.



Борис Исакович и Мира Лазаревна Гольдина с детьми.
Фото из семейного архива Гольдиной М.Л.



Могилевские адвокаты.
Фото из семейного архива Гольдиной М.Л.

Борис проработал адвокатом 19 лет. Тогда в Могилеве было много адвокатов-евреев. Они пользовались большим авторитетом. Среди них: **Мельников, Израильский, Оркина, Гинзбург, Будовля, Шпарберг**. Из всех адвокатов в Могилеве сейчас остался только **Каган**.

Шпарберг с женой **Миркиной** и детьми уехал в Израиль. Миркина была здесь заведующей районной поликлиникой. В Израиле она подтвердила свое звание врача и работала по специальности. Заработала пенсию. Но сам Шпарберг найти работу там не смог. Он прислал письмо моему мужу, который тогда уже лежал парализованный. В нем он описывал тамошние трудности и высокие цены. Как-то в КГБ узнали про это письмо. Их представитель явился к нам в дом и стал просить отдать письмо для опубликования его в газете, чтобы другим nepовaдно было выезжать. Муж сказал, что письмо порвал. Я стала кричать: «Вы не видите, в каком он состоянии?» Молодой человек настаивать не стал и извинился».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ИОФФЕ Аси Ефремовны (р. 1926)

«Во время войны мы — я, мама, **Нихама Глускер**, папа, **Афроим Евелев Иоффе**, брат **Яша** (по документам он значился как **Иосиф**) и сестра **Соня** — оказались в Самаре, где жил в то время мамин брат **Давид**. Но прописаться там было трудно, и мы отправились в сельскую местность, в Алексеевский район. Совхоз, где мы жили, был очень большой, семь отделений. В каждом

отделении — пекарня. По правде сказать, мы там, в отличие от многих, не голодали. Моя сестра **Соня** работала бухгалтером в торговле, брат — на полевых работах. У нас был свой огород, где мы выращивали картошку. Я училась в школе, но летом все время работала в поле наравне со взрослыми. В 1943 г. здесь умер папа. А в 1942 г. отсюда призвали в армию брата, и в 1943 г., надо же было так сложиться, он умер в госпитале в Могилеве после ранения, полученного в боях под Пропойском.

Мы же вернулись в Могилев где-то в июле 1945 г. Жилья не было. Дом наш сгорел. И мы очень благодарны нашим старым знакомым еще со времен жизни на Луполово, семье **Шейниных**. С ними встретились совершенно случайно на вокзале. **Роза Шейнина** сейчас живет в США. Так вот, у них была одна комнатуха на четырех человек. В ней жили мама **Розы**, сестра мамы, сама **Роза** и ее брат **Саша**. И вот они нас приютили в этой комнате, пустили нас под свою крышу. Жизнь нас не баловала. Было очень тяжело. Начинать надо было с нуля. Мама пекла хлеб и продавала на базаре. Конечно, было тяжело тягать эту муку, вязанку дров, сумки с хлебом. Мужских рук ведь не было.



Сестра Аси Ефремовны Иоффе
Соня Иоффе.
Фото 1934 г. из семейного архива Иоффе А.Е.



Яков (Иосиф) Иоффе, брат Аси Ефремовны Иоффе, после окончания минометного училища. Фото 1942 г. из семейного архива Иоффе А.Е.

Извещение о смерти Иосифа Ефремовича Иоффе в 1943 г. Из семейного архива Иоффе А.Е.

Два года мы мотались по частным квартирам. А в январе 1947 г. сестра Соня вышла замуж за **Мишу Стукмейстера**. Его призвали в армию в 1939 г. Он служил сначала в Ереване, потом принимал участие в битве за Ростов, позже освобождал Чехословакию, а после окончания войны в августе их

перевосили на Восток, так что он участвовал и в Японской кампании.

У Миши был свой дом на Плеханова. Он выходил окнами в сторону Быховского рынка (сейчас этот дом уже снесли). Мы туда переселились и стали обживать. Мама снова пошла работать в пункт приема утиля и проработала там до пенсии. Потом помогала воспитывать детей. Я поступила в пединститут и благополучно его окончила. Семь лет проработала в районе учителем русского языка. Потом вернулась в Могилев. По специальности устроиться не смогла и пошла работать бухгалтером-кассиром. Сестра тоже устроилась неплохо. Она работала бухгалтером в горпищеторге до самой смерти в 1992 г. Муж сестры Миша был прекрасным человеком. Образование он тоже не смог получить, но все, что он делал, буквально «горело» у него в руках. Он был хорошим специалистом по металлу, кузнецом. Дома во дворе у него была маленькая мастерская, где он делал ведра из жести, печки-буржуйки и разные мелочи из металла. За счет этого была возможность нам как-то существовать после войны. Официально он работал на швейной фабрике, занимался вентиляцией. Позже при кроватном заводе образовалось что-то типа училища, и он работал там мастером. Потом на клееном заводе был кузнецом. А смерть свою он встретил на фабрике им. Володарского. Вообще, трудно назвать дело, которое он не смог бы сделать: он ремонтировал обувь, увлекался музыкой — пел в городской капелле. Был прекрасным отцом. Жалко, что очень рано ушел из жизни.



Михаил Иосифович Стукмейстер. Фото 1946 г. из семейного архива Иоффе А.Е.

Жили мы очень дружно, и о том, что евреи, не забывали. Справляли еврейские праздники, сами



М.И. Стукмейстер за работой.
Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Иоффе А.Е.

пекли мацу, мама всегда соблюдала пост. Молиться, правда, не ходили. Миша хоть как-то старался соблюдать традиции, но все же был коммунистом, он вступил в партию во время войны. Честно говоря, если бы сейчас в городе была синагога, я бы в нее с удовольствием ходила. Хоть какая-то отдушина была бы. И мне непонятно, почему наши евреи никак не могут добиться возврата синагоги».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЕРМАНOK Миры Самуиловны
(р. 1923)

«Я родилась в Могилеве. Девичья фамилия — **Гуревич**. Дед со стороны отца, **Алтер Гуревич**, был управдомом в центральной части города. Домоуправление было в Коммунистическом переулке. Дед со стороны матери, **Меир Альтшуллер**, был известным в городе фельдшером. Мой отец, **Самуил Гуревич**, работал начальником отдела снабжения на шелковой фабрике, трубозаводе, на строительстве зданий НКВД, на авторемонтном заводе. Мать, **Софья Марковна**, работала акушеркой в больнице и в женской консультации.

Довоенный Могилев — тихий, провинциальный, зеленый. Большая часть населения — евреи. Фанатично верующих очень мало. Когда на каникулы приезжали студенты, город оживал: ежевечерние танцы, летом — пляж. По Днепру ходил пароход «Могилев — Шклов». После войны он носил имя «2-я пятилетка».

Я училась в школе № 7, в 1947 г. окончила Московский библиотечный институт. Затем вернулась в Могилев и работала преподавателем в культпросветучилище. Преподавала библиотечное дело четыре года. В 1951 г. мужа (после окончания Минского политеха) направили на работу в Челябинскую область. В 1956 г. мы вернулись в Могилев. Я работала заведующей методическим отделом областной детской библиотеки. Как беспартийная еврейка, я не имела возможности для профессионального роста. Моя должность-потолок — «второе лицо». Выйдя на пенсию, еще девять лет работала в Доме народного творчества.

Муж, **Иосиф Исаакович Ерманок**, работал на заводе «Строммашина». В 1950 г. у нас

родился сын. Долго жили недалеко от Дубровенки, в Жирном переулке (ул. Рылеева).

Так сложилось в моей судьбе, что работа «совпала» с интересом к родному краю. Много знаю о Могилеве и области, о людях, которые здесь жили. Со многими прекрасными людьми посчастливилось столкнуться. Не хотелось, чтобы они были забыты.



Мира Гуревич.
Фото 30-х гг. XX в. из семейного архива Ерманок М.С.



Мира Самуиловна Ерманок.
 Фото из семейного архива Ерманок М.С.

Из коллег по работе не могу не отметить **Анну Яковлевну Черток**, долгое время работавшую главным библиографом областной библиотеки. Человек энциклопедических знаний, она создала прекрасный справочный аппарат, была инициатором и создателем совместно с краеведческим музеем таких изданий, как «Могилевчане — Герои Советского Союза» и др.

В школе № 1 работала прекрасная учительница начальных классов **Рахиль Семеновна Менделеева**. Ее как человека и педагога характеризуют такие эпизоды. В 50-е гг., когда начались «еврейские аресты», завели дело и на отца одной из ее учениц — **Якова Исааковича Райхлина** (среди прочих преступлений ему инкриминировался и сионизм). Так вот, после его ареста в школе один мальчишка (сын чекиста) устроил девочке такую травлю, что она не могла ходить в школу. Рахиль Семеновна пошла домой к семье репрессированного, успокоила девочку, вернула в школу, смогла нормализовать обстановку в классе. Чего ей это стоило, знала лишь она сама. Она ушла на пенсию после выпуска очередного 4-го класса и через год умерла. Эти ее ученики еще через пять лет, после «последнего звонка», всем классом пошли не куда-нибудь, а на ее могилу. И сейчас они, уже сами пенсионеры, вспоминают добрым словом свою первую учительницу.

Выдающимся педагогом была учитель математики школы № 1 **Дора Григорьевна Гинзбург**. Во многом благодаря ее стараниям на базе пединститута был открыт первый специализированный математический класс. Прекрасными учителями

физики были **Михаил Михайлович Приборкин** (СШ № 1) и **Исаак Савельевич Пятницкий** (СШ № 21). Они смогли влюбить ребят в свой предмет. Многие их ученики добились серьезных успехов в науке и технике.

Из врачей хотела бы отметить **Наума Львовича Сандлера**, замечательного инфекциониста. Сколько людей было им спасено от тифов, скарлатин, дизентерий и прочих инфекционных заболеваний. Его дочь **Нина** преподавала в медицинском училище. Создала первый в городе хор ветеранов. Слышала, что она живет где-то в США.

Не хотелось, чтобы забылись имена таких терапевтов, как **Розалия Ильинична Бир**, **Ревекка Абрамовна Ганкина**, **Зинаида Тимофеевна Гальпер**.

Еще вспоминается начальник пассажирской службы станции Могилев **Илья Борисович Левинман**.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КОВАЛЕНКО Аси Григорьевны
 (р. 1952)

«У моего отца, **Григория Исааковича Кугеля**, была тяжелая жизнь. В семье под настроение он еще иногда что-то вспоминает, но с чужим человеком разговаривать, отвечать на вопросы не может, да и чувствует себя неважно. Возраст.

Отец родился под Минском в 1912 г. До войны жил на Немиге. У него были жена и маленькая дочь, сестры и братья. Он попал в гетто на третий день войны. Всех его родных убили, расстреляли, а дочка умерла от голода в детском саду. Под подушкой остался кусочек хлеба. Хоронил ее отец тайком, ночью. Сам потом всю Европу «прошел» по концлагерям. Его освободила американская армия и передала в советскую зону. Наши погнали их во Львов. Потом был Сталинград — принудительные работы на тракторном заводе. Это был отряд узников, которые приравнивались к предателям. Через год-полтора работ его отпустили, но ехать в Минск и жить в столице запретили.

Потом на своей родине в Плещеницах, куда он вернулся, отец познакомился со своей будущей женой — моей мамой, которая работала учительницей в школе. Мама до этого окончила Минский еврейский педтехникум и училась заочно в пединституте. Они расписались. Отец не нашел себе приюта, работы и прописки. Маму отправили работать в детский дом в Долгиново Кривичского района (теперь Вилейский), и он туда тоже поехал. Там родились мы с сестрой и жили до 1956 г.

В 1956 г. мы переехали в Могилев. Мне было 4 года. 7 лет жили на квартирах в еврейских кварталах. На улице Чернышевского, вниз от театра

к рынку, жило практически сто процентов евреев. Мы снимали полуподвальный этаж у **Абрама Иоффе**. Там же жила семья известного закройщика **Голумба, Ротманы, Фонкацы, Каганы, Яхновичи, Голубы**. Теперь там практически никого не осталось — большая часть уехала.

Я училась в школе № 1. Девяносто процентов учителей были евреями. Да и в классе ребенок с русской фамилией встречался редко. Но были семьи русские по документам, которые скрывали свою принадлежность к евреям. Сразу после войны свидетельства о рождении в Могилеве оформляли вообще без национальности. Потом люди, когда получали документы, национальность себе записывали сами. Много позже им приходилось доказывать свое еврейство через суд.

В обиходе старшее поколение часто переходило на идиш. Я помню, как старики собирались в скверике возле «Родинь» и беседовали на лавочках. Мои же родители говорили между собой по-еврейски шепотом, чтобы никто не слышал. Мама очень боялась потерять работу в школе. Поэтому, к сожалению, я языка не знаю и виню родителей в том, что культуру свою они не сохранили. Я и не знала, что мои родители оканчивали еврейские школы, отец еще и в хедере учился. До сих пор старые евреи приглашают его на кладбище, чтобы прочесть молитву.

Отец работал на кожзаводе рабочим. Он всегда ощущал себя отверженным и нигде не чувствовал себя свободно. Он приходил на работу раньше всех (в 5 утра выходил), чтобы в раздевалке не встретиться с русскими, чтобы не получить очередную порцию оскорблений, отрицательных эмоций на целый день. Рабочий день заканчивался — он пулей вылетал с работы. Всю жизнь был изгоем. Окружающие считали, что он во время войны где-то отсиживался за печкой, прятался. О том, что он мучился в концлагерях все 4 года, никому не было дела.

Не вспоминается мне ничего радостного, все больше грустное».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЗЕЛИКОВА Зелика Семеновича
(1926—2008), г. Санкт-Петербург

«Мой отец, **Семен (Симен) Абрамович Зеликов**, родился в 1897 г., женился, наверное, в 1917 г. на **Лее (Лизе) Абрамовне Хасиной** того же года рождения. До 1929 г. семья проживала в Черневке. В 1929 г. отец уехал в Могилев и устроился бухгалтером на швейную фабрику им. Володарского. В 1930 г. он получил три комнаты в коммуналке на две семьи по адресу ул. Виленская (теперь Лазаренко), дом № 22. Это был двухэтаж-



Зелик Зеликов, Германия.
Фото 1949 г. из семейного архива

ный дом на углу Виленской и реки Дубровенки. О нашей семье: в 1918 г. родился сын **Лева**, очень красивый и умный мальчик, он умер, когда ему было три года, от воспаления легких; в 1922 г. родился сын **Илья**, в 1924 г. — сын **Исак (Саша)**, в 1926 г. родился я, **Зелик**, в 1932 г. — сын **Миша**, в 1938 г. — дочь **Клара**.

Мы прожили в этом доме до 26 июня 1941 г. Это был последний день, когда я видел папу.

Папа работал бухгалтером, а затем главным бухгалтером швейной фабрики, хотя и был самоучкой, никаких вузов не кончал. Когда началась война, он, как главный бухгалтер, считал своим долгом рассчитаться с рабочими фабрики. Конечно, он не ожидал такого стремительного наступления фашистов и поэтому не успел эвакуироваться вместе с нами. И, наверное, он не ожидал такой зверской расправы с еврейским населением. Папа уехал в Черневку к брату **Самуилу** и 6 октября был расстрелян вместе со всеми мужчинами Черневки.

Вот, пожалуй, и вся, в основном трагическая, история семьи **Абрама Зеликова** и его детей.

Мама до войны была домохозяйкой. Семья была большая, и работы хватало дома. Ведь в то время в домах не было никаких удобств, кроме холодной воды. Туалеты во дворе. Стирка, уборка, готовка, отопление — все надо было делать без стиральных машин, без центрального отопления, без газа и т.д. Все это заменяли печки и примус.

Мои братья Илья и Исак учились в школе № 3 города Могилева. До 1937 г. учеба велась на еврейском языке, потом «по желанию» родителей ее добровольно-принудительно стали вести по-

русски. В 1941 г. Илья и Исак окончили 10 классов и должны были поступать в вуз. Но началась война. Я в том же году окончил 7 классов и меня должны были отдать в ремесленное училище. Мише было 7 лет, Кларочке — 3 годика.

До войны я рос разгильдяем, учеба в школе давалась легко, я увлекался кружками художественной самодеятельности, танцевальными (в школе и во Дворце пионеров). Но война перевоспитала меня мгновенно. Надо было спастись от голода и спасти маму с малыми детьми. В эвакуации я окунулся в работу: пахал на быках (цоб-цобе), на верблюдах (ач-чек), пас лошадей, обучал молодых лошадей работать. А было мне 15 лет.

Илья ушел 11 июля на фронт, и мы о нем ничего не знали до 1943 г. Нашлись через справочную службу в городе Бугуруслане. Он воевал на Карельском фронте. После войны его часть отправили на войну с Японией. Демобилизовался Илья в 1946 г. После войны работал бухгалтером.

Исак (Саша) ушел на фронт летом 1942 г. Мы жили тогда в эвакуации в Ворошиловке. Его направили в офицерскую школу в город Ташкент, но на фронте не хватало солдат, и их досрочно всех выпустили старшими сержантами и отправили на Орловско-Курскую дугу. Мы больше года о нем ничего не знали. И про Илью тоже не знали. Ничего не знали и про папу, оставшегося в оккупации. Представьте состояние моей мамы: она не переставала плакать. А я должен был заменить и папу, и братьев, должен был воспитывать Кларочку и Мишу и думать, что делать, чтобы мы все не умерли с голода. Но в 1943 г., после ухода Исака в армию, я тяжело заболел двусторонним воспалением легких, а когда только немного стал поправляться (учился ходить), пришла повестка о моем призыве. А о братьях и папе мы по-прежнему ничего не знали. Мама с малыми Мишей и Кларочкой осталась одна. В конце 1943 г. или в начале 1944 г. вдруг приехал к ним Исак. При форсировании Днепра он был тяжело ранен и 9 месяцев находился на излечении в госпитале. Затем ему дали отпуск на 2 месяца. Узнав от мамы, что я тяжело болел, он приехал ко мне в запасной полк в Алма-Ату и привез три буханки хлеба. Потом он забрал маму с детьми и привез их на станцию Почеп Орловской или Брянской области. И опять ушел воевать.

Надо заметить, что, когда Исак первый раз попал на фронт, его документы «исправили»: вместо Исака он стал Александром, вместо еврея — белорусом, так как ему объяснили, что в плену евреев расстреливали. Так он Александром и остался на всю жизнь, а национальность восстановил. Между прочим, много евреев в армии меняли имена, фамилии и национальности. После демобилизации в 1946 г. Саша работал на заводе контролером, учился в вечернем техникуме, окончил его в 1951 г. и уехал в Минск, где устроился мастером



Зелик Семенович Зеликов.
Фото из семейного архива

на завод автоматических линий. Затем он поступил на вечернее отделение машиностроительного института, окончил его и до пенсии работал на том же заводе. Саша был инвалидом войны, умер в 1998 г.

Я же после призыва в армию полгода служил в Алма-Ате в запасном полку, а 2 мая 1944 г. нас отправили на фронт, и я опять всех потерял, потому что маму с детьми Исак (Саша) увез, а сам ушел на фронт. 20 мая 1944 г. наша группа прибыла в город Пропойск (Славгород) Могилевской области, а 1 июня я попал на погранзаставу 87-го пограничного полка, в составе которого и прослужил до конца войны, прошел всю Белоруссию, Польшу и часть Германии, встретил победу 8 мая в городе Францбурге. В марте 1945 г. меня взяли переводчиком с немецкого языка в разведотдел батальона, где я переводил до осени 1946 г., окончил школу младших сержантов и в общей сложности прослужил в армии 7 лет без двух недель.

22 октября 1950 г. я приехал домой в Могилев без образования, специальности и средств к существованию. Нужно было получить вместо военного билета паспорт. Пошел я в ЗАГС в Доме Советов, в подвале. Там сидит капитан, я ему дал документ. Он читает и посмеивается: «Зелик Семенович? У евреев же Семенов нету...» Я ему тогда говорю: «Пиши, сволочь, Абрамович, у евреев Абрамы есть!» В общем, капитан написал. В послевоенном Могилеве разговоры и думы были о хлебе насущном. За мукой были очереди, за сахаром очереди, о мясных продуктах говорить нечего, в магазинах была рыба — килька, например. Хорошая, вкусная была та килька!

Я пришел: отца нет, мама не работает, за погибшего отца 200 руб. получала на дочь Клару, Сашка, мой брат, пришел весь израненный, рана открытая, он работать тяжело не мог, контролером на заводе трудился. Мишка, мой брат, — механиком на швейной фабрике. И мне жить на на что, устроиться на работу не могу! Еле-еле по благу устроился учеником слесаря на завод «Электродвигатель». Это было 8 ноября 1950 г. И там я проработал до 1991 г., сначала слесарем, потом мастером, потом 30 лет работал начальником производства. Работая днем, поступил в 1951 г. в вечерний машиностроительный техникум, проучился там 5 лет и в 1956 г. окончил. Правда, до окончания техникума успел все-таки жениться на **Симе Фишман**, с которой живу и сейчас. Имею двух хороших сыновей».

О КРУТЫХ ПЕРЕУЛКАХ

У каждого человека существует своя Покровская или Инвалидная улица, другое дело — не каждый может ее нарисовать, как Марк Шаггал, или описать, как Эфраим Севела. Мое детство связано с одним из самых еврейских уголков Могилева (многие, наверное, могут со мной по-

спорить) — районом 1-го и 2-го Крутых переулков, рядом с Дубровенкой. И само название их по колоритности ничем не уступает романам Севелы.

Здесь в 50—70-х гг. XX в. во многом сохранилась атмосфера довоенного патриархального еврейского Могилева с идишским говором, «тейглах» и «гефилте фиш», мацой на Пасху, еврейскими мамами и бабушками, еврейскими детками и внуками. Фамилии здешних обитателей — **Гинзбурги, Вайманы, Сагалы, Литваки, Фабриканты** — говорили сами за себя и особенно не «оскорбляли» внешнего слуха, тем более, что тех, кого они могли бы «смутить», было совсем немного. Название переулков вполне отвечало их географической сущности. Родной 2-й Крутой был в мои сознательные годы просто тупиком, состоящим всего из трех домов-хат, зажатых между пищекомбинатом и огромной, как казалось в детстве, Горой, «ведущей в Город». Правда, он же, переулок, вдруг обнаруживался в районе дома-электростанции и городской милиции, что уже на Горе, возле кинотеатра «Чырвоная Зорка». Но это был уже другой 2-й Крутой, это был уже «Город», и жили здесь уже другие, городские, евреи.

Когда-то, даже не в моем детстве, 2-й Крутой тупиком не был, а выходил одним своим концом к Дубровенке. В доме на ее берегу жили друзья нашей семьи, **Медниковы**, но строительство пи-



1-й Крутой переулок и сегодня мало чем отличается от того, каким он был 40—50 лет назад

щекомбината сделало их дом его проходной, тогда же и наши дома оказались «оторванными от большой земли», точнее, «большой воды» — Дубровенки. А в нашем сознании закрепилась фраза: «Иду в город», от центра которого здешних обитателей отделяло пять минут неспешным шагом. Для этого нужно было, правда, преодолеть препятствие в виде узкой тропинки вдоль вечно размытого дождями оврага и подняться на гору, подбирающуюся к самому «Дунькиному клубу» (ДК швейников) и стоящей рядом деревянной коробке старого тира. К еврейству эти атрибуты «того» мира отношения, вроде, не имели, но в моем разбуженном сознании все давно переплелось, и «варево», выплескивающееся на эти страницы, имеет явно еврейские корни, тем более что рядом с тиром на горе стоял дом старика **Зеликова**, являвшийся приютом одного из последних немногих миньянов Могилева.

Бесспорно, нашему географическому положению позавидовали бы многие мальчишки и девчонки: все же горный рельеф и близость речки создавали прекрасную возможность для игр и развлечений. Какие же «легенды» окружали нашу жизнь в этом незабываемом месте? Одной из них, бесспорно, являлись развалины бани, оставшиеся после страшного наводнения 1942 г. В одной ее части проходили войнушки, прятки и жмурки, а в другой нашли «пристанище» несколько семей, в том числе **Гинзбурга**, одного из лучших парикмахеров города. Достопримечательностями являлись и сами люди. Патриархом этого района являлся старик **Житомирский**, дед моего друга **Генки**, — хозяин огромного дома, обитатели которого составляли чуть ли не половину всех жителей переулков. Колоритной фигурой был и живший напротив **Ошер Жоров**, мясник с Быховского рынка, что уже само по себе в те времена давало основание рассматривать его «отдельно». Но, кроме того, **Жоров** являлся голубятником, которых в те времена в Могилеве было довольно много, но среди нас, мальчишек, рейтинг его от этого поднимался на известную высоту. Рядом с **Жоровыми** жила говорливая баба **Бася Конюхова**, которая была примечательна даже не сама по себе, а своим «приезжающим» сыном. Приезжающим не просто так, а на собственной «Волге». «Частных собственников» транспортных средств можно было в те времена пересчитать по пальцам, и мы восторженно облепляли машину со всех сторон, и это не вызывало у ее хозяина ни крупицы отрицательных эмоций, что по прошествии многих лет вызывает у меня сегодняшнего огромное удивление. Нужно признать, что этот замечательный человек (имя его я, к сожалению, не помню) находил и свою выгоду: мы с радостью до блеска вымывали его машину. Но вот



Еврейские дети в 1-м Крутом переулке.
Фото 60-х гг. XX в. из архива Литина А.Л.

благодарность его к нам была даже чрезмерной. Он, в отличие от наших занятых родителей, проводил с нами непропорционально много времени: не только вывозил нас в «свет», т. е. в город, но умудрялся регулярно устраивать часовые(!) групповые «читки» книг. Как теперь вспоминается, именно благодаря ему я познакомился с малознакомым тогда продолжением сказки Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». (Сегодня **Григорий Аронович** (р. 1924) и **Борис Аронович** (р. 1927) **Конюховы** живут в Бресте).

Конечно, свой след оставили в моей жизни и мои друзья детства, мои старшие товарищи **Толик Фабрикант** и **Додка Шустерняк**.

Толик, типичный еврейский мальчик-вундеркинд с задатками будущего гения, скоро покинул наш чудный закуток, а Додка, заводила и организатор всех наших игр, почему-то не находил с Толиком общего языка, что изредка приводило и к физическим столкновениям. Именно в доме Додки благодаря его брату **Марикку**, приезжавшему из Москвы, мы услышали впервые имена **Высоцкого**, **Городницкого**, **Тарковского**. Часто вспоминаю и **Сашку Сукало**, единственного «гоя» в нашей компании. Его мама, тетя **Нина**, была активисткой родительского комитета нашей родной школы № 2 и обладала даром заговаривать бородавки, чем с радостью пользовались все еврейские дети ули-



«Последний из могижан» 1-го Крутого переулка **Григорий Гинзбург**

цы. Сам Сашка оказался единственным, как ни странно, музыкально одаренным ребенком в среде нашей еврейской братии. Под бдительным оком своей такой еврейской нееврейской мамы он благополучно окончил музыкальную школу, а затем и училище и уехал в Ленинград.

В основном же товарищами моими по играм были Саши: мой двоюродный брат **Саша Вайман** и **Саша Эль**, с которым у нас находились множество общих интересов. Девчонок в переулках было совсем немного, и они были младше нас по возрасту, так что компания была «мужская». Только на небольшой период времени появилась в нашей среде красавица **Аня**, родители которой сняли небольшой закуток в одном из соседних домов. Она стала постоянным партнером в футбольных баталиях, что не мешало вспыхивать в наших сердцах и первому чистому чувству.

Еврейский быт для нас был совершенно органичен и почти незаметен, и, казалось, что именно так живут и остальные обитатели славного Могилева. По крайней мере, находясь в нашем сравнительно замкнутом мире, какого-то отличия от окружающей жизни мы не замечали. Пожалуй, первым памятным «столкновением» стал приход в переулок сантехников, ремонтирующих вечно ломающуюся колонку. Почему-то запало в памяти, как они спрашивали меня, еще дошкольника: «Ты кто: еврей или жид?» Я отвечал: «Еврей», на что получал в рифму: «Подохнешь скорей». Слово «жид» мне совсем не нравилось, но, решив реабилитироваться, я говорил: «Жид» и выслушивал благосклонно: «Тогда будешь долго жить». Вторым открытием стал для меня опрос учеников в

первом классе, когда, услышав свою фамилию, каждый должен был подняться и назвать свою национальность. Благородная наша учительница, не желая смущать класс, просто не стала называть немногочисленные фамилии учеников-евреев, чем вызвала еще большее недоумение. Мы оказались просто «несуществующими».

Еврейский быт нашего «мещечка» изменялся исподволь, совершенно незаметно. Евреи покидали его постепенно, как будто растворяясь в окружающей жизни. И вот сейчас внешне совершенно не изменившийся переулочек живет внешне совершенно не изменившейся жизнью. Но вдруг отчетливо понимаешь, что там давно нет твоих друзей и их родителей, там не услышишь еврейскую

речь, поскольку там некому на ней говорить. Остался лишь один старожил, **Гриша Гинзбург**, который только один и может что вспомнить о той еще жизни прежних обитателей. Однако это малоинтересно обитателям нынешним.

А. Литин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

МАТВЕЕВОЙ Раисы Давыдовны
(1916—2004)

«В 1947 г. я переселилась в 1-й Крутой переулок. Это было совершенно еврейское место рядом с Дубровенкой. Напротив нас жил в своем двухэтажном доме стекольник **Житомирский**. Он был хозяином дома, и была у него большая семья. Кстати, на его огороде находили много человеческих остатков, предположительно жертв гетто. Позже их перевезли на еврейское кладбище. Он был очень религиозный, все время читал Библию, отмечал все праздники. Там же в доме жила его дочь **Нехама** с мужем **Семеном Сагалом** и вторая дочь **Неха**. В другой его части жил ветеран войны парикмахер **Арон**.

А переулок знаменит тем, что здесь находилась та самая баня, которую снесло во время наводнения в годы войны. Кстати, уже и на моей памяти там тоже было много наводнений. В этой разрушенной бане жила семья парикмахера **Юрия Гинзбурга**, очень известного в 60-е гг. в



Раиса Давыдовна Матвеева возле стены известной могилевской бани, снесенной наводнением 1942 г.
Фото из семейного архива Матвеевой Р.Д.

Могилеве. У него было много детей. Жена тоже была парикмахером. Юрий умер, а жена и дети разъехались. На другой стороне Дубровенки жили **Литваки**. Они тоже уехали в Израиль. Рядом с нами жил **Ошер Жоров** с семьей. Это был очень известный мясник с Быховского рынка, который занимался еще и голубями. Еще часть дома занимала **Бася Конюхова**, заметная личность в переулке. Так что кругом жили одни евреи. Уехала я оттуда в 1985 г.»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЭЛЯ Якова Абрамовича
(1936—2008)

«Я 1936 г.р. Когда началась война, наша семья **Эль** жила под Бобруйском в местечке Любоничи. Буквально накануне был построен дом в Бобруйске, куда мы должны были переселиться, но не получилось. Эвакуировались в Узбекистан, там всю войну и прожили. Уезжали из Любоничей без отца. Соседи на подводе подобрали нас, довели до Рогачева и оставили здесь меня, мать и двух сестреноч. Но, возвращаясь назад, они по пути встретили папу, который ехал за нами. Это,

конечно, судьба. Если бы встреча не состоялась, отец бы вряд ли узнал о нас и мы бы, наверное, из Рогачева уже не выбрались. Дальше мы уже с папой доехали до Рославля. Помню только громадное поле и несколько тысяч семей, которые оставались на нем и ждали... Ведь все думали, что немцев вот-вот остановят. Но оказалось, что немцы опять приближаются, и тогда мы ехали дальше. Так в итоге попали в Тамбов. Лошадь с повозкой сдали где-то властям, а сами ехали на открытой платформе. В Тамбове перезимовали и, когда фронт приблизился, переехали в Узбекистан. В Андижане умерла мама и мы остались одни. В 1945 г. отец приехал за нами и перевез к тете в Свердловск. Сестру отдали в детдом, а сам он уехал дослуживать в армии.

В Бобруйск я вернулся в 1947 г., а в Могилев попал позже, после окончания техникума, в 1957 г. Сначала жил на частной квартире с женой и детьми. Устроился на завод им. Кирова, получил свою квартиру. Вот вкратце вся жизнь могилевская.

Умерла жена **Катерина**, дочь вышла замуж. Решил ей не мешать и подался на заработки в Якутию. В Могилев не возвратился, жил в Молодечно, а сейчас в Германии. Приехал сюда вслед за детьми, на старости лет окупился в новую жизнь.

Отдельный кусок жизни, довольно памятный, — это 1-й Крутой переулочек. Там снимали квартиру в большом частном доме, где прожили лет семь, по 1968 г. Хозяином дома был старый стекольщик-еврей. В этом же доме жили две его дочери со своими семьями и еще много квартирантов.



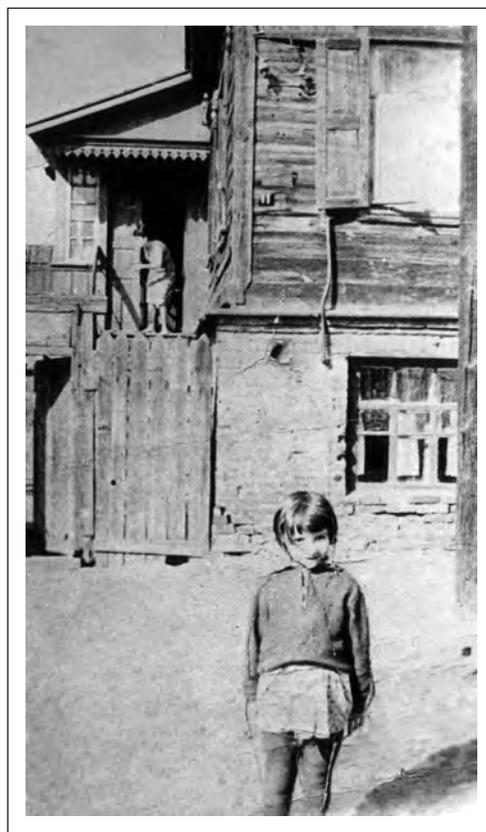
Яков Эль во время службы в армии.
Фото 1953 г. из семейного архива Эля А.Я.

Знаком с хозяином я был лишь несколько лет. Он был тогда уже очень старым, вскоре умер. Помню лишь, что и в те времена старик часто молился и читал на иврите старые книги.

Для нас это был, конечно, очень тяжелый период. Мы и вселились в этот подвал, т. к. деться нам было тогда вообще некуда. Пришли, а пол земляной, т. е. его вообще не было. Тем не менее, вынуждены были согласиться на это. Кое-как сделали из досок пол, стены оклеили обоями. Так и существовали. Условия жизни ужасные: сыро, низкие потолки, керогазы на кухне, крысы бегали прямо по спящим детям. Приходили они, наверное, из находящегося рядом пищекомбината. Запомнились еще частые потоки воды, которые стекали из города по нашей горе во время дождей. Нас это касалось впрямую, т.к. квартира находилась в подвале дома и ее часто заливало.

В переулке витал еврейский дух. Напротив жил **Ошер Жоров** с семьей. Это была довольно известная фигура в городе. **Жоров** работал мясником на Быховском рынке, кроме того, он был завзятым голубятником. Хорошо помню его фигуру, смотрящую в небо, и резкий специфический свист. В другом конце нашего дома жил старик-парикмахер с женой **Басей**, участник войны. По выходным дням он надевал свои боевые ордена. Напротив, во дворе разрушенной во время войны бани, жила семья парикмахера **Гинзбурга**. Но я его не очень хорошо помню.

В соседнем подвале жил рабочий с металлургического завода. Звали его **Семен**, фамилию не помню, а рядом, на одной кухне, — семья **Либенсонов**. С нами же жила и сестра жены **Соня**. Она



Рита, дочка **Якова** и **Екатерины Эль** возле своего дома в 1-м Крутом переулке.
Фото 60-х гг. XX в. из семейного архива Эля А.Я.



Яков Эль с женой **Екатериной** и сыном **Сашей**.
Фото 1958 г. из семейного архива Эля А.Я.

тогда училась в медучилище. Жена моя, **Катя**, работала медсестрой в поликлинике. Помню, первый черно-белый телевизор «Неман» купил сосед Семен. Это была большая редкость в то время, и мы просились к нему что-нибудь посмотреть.

Не сказал бы, что мы соблюдали какие-либо еврейские традиции. Точнее, кроме традиционной еврейской еды, которую готовила иногда жена, ничего и не было. На Песах всегда была маца, фаршированная рыба, клецки. Со стариками мы общались не часто, идиши я очень хорошо знал в детстве, свободно разговаривал. Правда, потом общения не было и я все забыл. Сейчас кое-что понимаю, но связываю предложения с трудом, хотя и те знания, что были, помогают сейчас в освоении немецкого» (2005 г., Германия).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

НОЖНИКОВА **Николая Алексеевича**
(р. 1945)

«В послевоенные годы, когда я был ребенком, с могилевскими евреями мы жили бок о бок, точнее, через стенку. Нашу небольшую коммунальную квартиру занимали три семьи. Одна из них — **Сорины**. Их мама, добродушная домохозяйка **Рива Марковна**, особо дружила с моей бабушкой **Марией Васильевной Стариченок**, которая тоже занималась хозяйством. Несмотря на небогатую коммунальную жизнь, не помнится ни одного, даже маленького конфликта в нашей квартире. Радости были общими, и горе Сориных (рано умер глава семьи, рабочий хлебозавода, **Гиля Залманович**) — тоже общим. Как хозяйки, женщины делились своими рецептами и секретами. Тогда мне довелось попробовать немало блюд еврейской кухни.

Дети Сориных, **Дина**, **Софья** и **Марк**, были постарше меня. Обе сестры всю жизнь после пединститута проработали в могилевских школах учителями. Сын, с которым мы частенько по-дружески боролись, всегда меня укладывал на лопатки. Он был старше на 4 года, но никогда меня не обижал. Марк долгие годы работал шофером грузовика. Сейчас — в Израиле.

От дома до детсада № 3, куда ходили соседские ребята, было метров триста. Место, на краю ул. Комсомольской и Костерни, где он был, сейчас похоронено под площадью Орджоникидзе. Детсадом командовала **Анна Лукинична Геринская**. От взрослых я слышал, что именно она организовывала один из первых детсадов в Могилеве в начале 20-х гг. Бережно храню выпускную фотографию, на которой Анна Лукинична и вся наша малолетняя команда в непривычных для детей тех лет шортиках, белых рубашечках и галстучках-бабочках. В этой компании друзья детства: **Слава Ройзман** (утонул в 8 лет), **Гена Бабушкин**, **Зорик Дудкин**, **Люсик Блох**. С тремя первыми потом учились в одной школе тоже с номером 3.

В последние годы неприятно было слушать рассуждения некоторых «тутэйших», которых якобы заставляют изучать белорусскую «мову». При этом они не владеют ни русским, ни белорусским языком на приемлемом уровне. А мне всегда будут помниться **Анна Ефимовна Златкина** (школа № 3) и **Римма Исаковна Вайман** (строительный техникум), которые прекрасно и высокопрофессионально обучали нас белорусскому языку. Немало довелось мне встречать учителей-евреев, а вот первого преподавателя белорусского языка, белоруса по национальности, я увидел уже взрослым, поступив в Белгосуниверситет.

Особенно запомнилась одна встреча в школе № 3. Как-то заболевшую учительницу несколько уроков подменял широко известный в

городе под псевдонимом **Шумов** писатель **Михаил Иосифович Шульман**. Он, тогда еще совсем молодой мужчина, за несколько часов покори нас, пацанов, манерой изложения, примерами из жизни, эlegantными шутками, нестандартным общением с детьми и взрослыми. Мы тогда и не догадывались, что он хромает от того, что вместо ноги, потерянной на фронте, стоит протез. Сейчас я могу сказать, что никто из земляков-писателей не написал столько книг на краеведческом материале. Давно уже Михаил Иосифович в США, а преемников не видно.

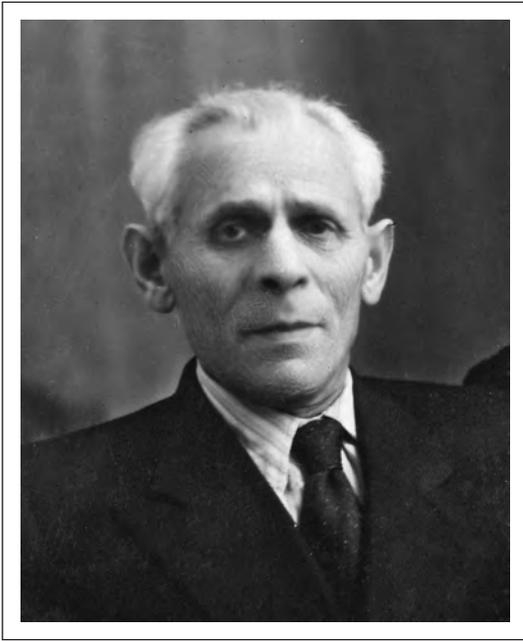
Когда в школе № 3 появился молодой учитель **Леонид Вайнер**, он не сразу смог с нами справиться. Вызывал смехи своей походочкой вперевалку, нервничал и покрикивал. Все, что он нам преподавал, мы оценили только позднее, через много лет. Его уровень был очень высок для Могилева. Нашу школу он окончил с золотой медалью в 1952 г., затем с отличием МГУ. Вернулся в свою школу, затем преподавал в пединституте, стал кандидатом наук. Сейчас в «далеких Палестинах».

В строительном техникуме доброжелательностью и квалификацией выделялись наши преподаватели физик **Исай Эпельфельд**, историк **Леонид Злотников**, **Григорий Лифшиц** (сантехника, строительные машины) и др.»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ВЕККЕРА Эдуарда Самуиловича
(р. 1947)

«Предки моего отца были выходцами из Германии. Они оказались в Могилеве в начале 90-х гг. XIX в. Дедушка мой, **Гершен Веккер**, родился в 1893 г. уже в Могилеве. Он очень рано осиротел, и его приютила семья **Цукерманов**, где он прожил несколько лет. Это была очень интеллигентная семья, которая, видимо, состояла с семьей **Веккеров** в родстве. А затем, по-видимому, из-за невозможности содержать ребенка, его отдали «в люди». Работал он в разных артелях и органично влился в революционное движение. Он был членом большевистской партии, участвовал в ее подпольной деятельности до революции, затем в антибелопольском подполье, был одним из первых могилевских чекистов. Дед прошел все эти известные службы: ЧК, ОГПУ, НКВД. Он был на оперативной работе, и в середине 30-х гг. XX в., когда начались массовые репрессии, дед, не желая арестовывать старых коммунистов, которых он хорошо знал, подал заявление на освобождение от оперативной работы по состоянию здоровья. У него действительно была астма, и его перевели на другую работу. Сначала он служил в каком-то лагере за пределами Могилева, затем его



Дед по отцу **Гершон Симон-Лейбович Веккер**.
Фото 1954 г. из семейного архива Веккера Э.С.

направили в фельдъегерскую службу: он занимался перевозкой секретной почты. Из историй, которые рассказываются в семье из поколения в поколение, мне запомнилась такая. Дед пришел на обед домой, разделся, повесил португеею с кобурой и пистолетом на стул. Пообедав, он португеею на том месте, где ее оставил, не обнаружил. Можете себе представить его состояние в этот момент. Время было такое, что к благодущию не располагало. Все кинулись искать пропажу и обнаружили ее под кроватью, куда ее затащила младшая сестра отца, **Дора**, тогда совсем маленький ребенок.

Перед самой войной дед подавал, вроде бы, рапорт, чтобы его списали вообще, но, по-видимому, ему отказали, поскольку всю войну он прошел в частях НКВД. После войны он работал на низовой партийной работе, секретарем парторганизации какой-то артели, затем возглавлял какое-то учреждение типа «Белпищетаба», занимавшееся реализацией табачных изделий. На пенсию он ушел около 1953 г. В это время они с бабкой жили на Дубровенке. Помню, что ходил он все время в сапогах, галифе, гимнастерке или во френче. Репрессии его, к счастью, никак не коснулись. Знаю, что он не любил о тех временах вспоминать, да и о чем таком серьезном мог умудренный опытом человек разговаривать с семилетним мальчишкой. Кроме того, с родителями отца я общался вообще очень мало, а когда у них бывал, мое общение ограничивалось моими ровесниками — двоюродными братьями и сестрами.

Мои дедушка и бабушка с материнской стороны, **Эхштейны-Левины**, родом из Сенно. На-

сколько я знаю, дедушка **Шлема** (1894 г.р.) долго служил в саперном батальоне российской армии. Хлебнул он и Первой мировой войны. Бабушка **Хая-Роха** была портнихой, работала в какой-то большой портняжной мастерской. После революции судьба их перебросила куда-то под Луганск. Дед тогда воевал в Красной армии. В это время там жила семья **Боруха Левина**, бабушкиного брата, переехавшего туда задолго до революции. Борух умер от тифа. У бабушки и дедушки своих детей тогда еще не было, и они приютили и воспитали осиротевших младших детей Левиных — **Раю** и **Исаака**. Они всю жизнь относились к бабушке как к родной. Уже много позже часто бывали в нашей семье.

Кроме Исаака и Раи, у Боруха Левина были старшие дети — **Арон** и **Соня**. Соня со своими детьми, **Борей** и **Люсей**, и матерью были расстреляны во время войны в Западной Белоруссии. Арон погиб в Круглом. До войны он работал в Круглянском районе директором школы. В начале войны его жена, **Настя Мельникова**, и ее сестра-близнец спрятали его в погребке. В это время муж его сестры **Сони Наум** пробирался из окружения из Западной Белоруссии. Он добрался до деревни, где жил Арон, и спросил первого попавшегося мужика, как найти Мельниковых. Тот оказался полицаем. Когда Наум пришел в хату Насти, туда же ворвались полицаи и схватили обоих. Наум пытался сопротивляться и смог покалечить топором одного из полицаяев. Но их скрутили, избили и расстреляли в лесу. Позже в деревню заявились немцы, чтобы арестовать Настю Мельникову и дочку. Ее звали **Розой**, но во время ареста Арон успел шепнуть жене: «Береги дочку, нашу Надежду». И Настя смогла переписать дочь **Надеждой Борисовной** (Борис — это отец Насти). Когда пришли фашисты, девочку смогли спрятать, а вместо Насти на смерть пошла ее сестра-близнец. Настя и Надежда остались живы. Наши родственники после войны часто их навещали в Круглянщине. Надежда и сейчас живет в Слониме на Гродненщине.

А дед Шлема Эхштейн прошел Первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную войны, захватил и Вторую. Он участвовал в обороне Москвы, потом прошел со своей частью через многие фронты и закончил войну штурмом Кенигсберга. В 1946 г. он вернулся в Могилев. До войны они жили в «доме Сталина», который оказался почти полностью разрушен. Когда бабушка с мамой вернулись в Могилев, они по совету друзей вселились в известный «дом 90», где и прожили всю оставшуюся жизнь. Дед до пенсии работал на швейной фабрике им. Володарского в отделе снабжения. Бабушка занималась нашим с сестрой Риммой воспитанием. Я фактически рос под присмотром родителей мамы. Дедушка, выйдя на пенсию, тоже со мной постоянно занимался. Он был веселый, подвижный, не мог ходить медленно,

так что я за ним еле успевал. Во второй половине 50-х была кампания по выращиванию кроликов, и папа с бабушкой тоже купили несколько, выращиванием которых мы с бабушкой и занимались. Он рассказывал мне всякие *майсы* (истории — идиш.), очень любил петь на идиш. Можно сказать, что он был другом моего детства и юности. Дедушка умер после долгого лечения перелома бедра в мае 1967 г. Он почти десять месяцев был прикован к постели, однако бабушка выходила его. Он даже стал ходить на костылях, но вскоре умер от инсульта. Бабушка пережила его на два с половиной года.

Отец мой, **Самуил Веккер**, родился в 1925 г. в Могилеве. В его биографии было довольно много печальных страниц. Он учился вместе с мамой в школе № 1 с четвертого класса, и все годы они дружили. Дружба эта переросла в большую любовь. Уже в детстве у папы проявился талант художника. Интересно, что первым его заработком стала копия картины Маковского «Дети, бегущие от грозы». На полученные деньги он смог сам себе купить первый в его жизни выходной костюм. Папа собирався поступать в Витебское художественное училище, но все спутала война. Он в 16-летнем возрасте попал в военно-техническое училище (типа современного профтехучилища) в Казани. Отец его в это время уже воевал, а мама жила с другими детьми (дочерьми) в Саранске. Как-то он сильно простудился, долго лечился, но болезнь не отступала, и он самовольно уехал к маме в Саранск, где та его быстро поставила на ноги. Все это длилось несколько дней, но его отсутствие не осталось не замеченным. По тем временам самовольная отлучка грозила большими неприятностями, и они не преминули появиться. Отца осудили, и до самого конца войны он был в лагерях. Об этом периоде своей жизни отец не любит рассказывать, так что я узнал о нем сравнительно недавно. К концу войны он сумел разыскать свою любимую, мою будущую маму, и написать ей в Тамбов, где она училась в пед-институте. Он не сообщил ей, где находится, только назначил встречу в Могилеве. И эта встреча действительно состоялась. Мама попросилась после окончания института в Могилев, а папа тоже приехал сюда после освобождения в 1946 г. 31 декабря они поженились.

После войны папа работал слесарем на заводе «Строммашина», а затем на швейной фабрике им. Володарского. Начинал сна-

чала бухгалтером, а затем главным бухгалтером. В 1956 или 1957 г. он был приглашен главным бухгалтером в областное управление местной промышленности. Оттуда перешел в дорожно-строительное предприятие ДСР-14. Здесь в 1963 г. он сам раскрыл финансовые нарушения, с огромным трудом добился рассмотрения этого дела, а в итоге сам же оказался крайним. Он был осужден на 2 года, хотя даже прокурор просил дать ему условный срок. Мы с мамой делали все возможное, чтобы отстоять его доброе имя и свободу. Мы писали Хрущеву, Брежневу, в Верховный Совет СССР, Верховный суд, в газеты. В итоге через полгода начался новый процесс, отца выпустили из тюрьмы, но все обвинения с него не сняли. Фактически суд защитил честь мундира и приговорил отца к тем шести месяцам за халатность, которые он уже отсидел в могилевской тюрьме. Отец не мог с этим смириться и продолжал писать в различные инстанции. В 1965 г., когда я поступил в институт, отец был полностью реабилитирован. Интересно, что сразу после этого его взяли на работу в отдел статистики в Управление внутренних дел. Правда, там он проработал недолго. Пытался найти работу по своей высокой квалификации, но никто не соглашался его взять. Потом его приняли в статуправление на какую-то должность низшего звена, куда его давно приглашали до отсидки. Оттуда он перешел на соответствующую его квалификации должность главбуха в областное управление «Белтеплоизоляция». Потом году в 1968 его все же снова пригласили в машиносчетную станцию облстатуправления на должность главного бух-



Родители **Зинаида Шлемовна** и **Самуил Гершонович Веккеры** (вверху), дед и баба по матери **Шлема Шмуйлович** и **Рахиль Ароновна (Левина) Эхштейн**.

Фото начала 1947 г. из семейного архива Веккера Э.С.

галтера, где он даже получал персональную надбавку ЦСУ СССР. Параллельно отец преподавал в бухгалтерской школе.

В октябре 1991 г. он уехал в Израиль.

Мама, **Зинаида Шлемовна Эхштейн**, родилась в Сенно в 1925 г. В школу пошла уже в Могилеве. Как я уже говорил, они с папой с четвертого класса учились в школе № 1. Когда началась война, папа пришел прощаться и предложил маме ехать в эвакуацию с ним. Ее родители тоже собирались ехать, но у них на руках была еще моя прабабушка **Рива-Рейзл**, которая заявила, что она никуда не поедет, что у нее нет ни сил, ни желания, что она знает немцев и их не боится. Тогда мама сказала, что без родителей она тоже не поедет, и папа решил остаться с ней. Тогда его начали уговаривать мамы родители и его сестры. Он успел вскочить в уходящий вагон, а мама с родителями уходила из города, когда он был почти полностью окружен. В конце концов они оказались в Челябинской области в селе Щучье. Оттуда деда призвали в армию. Мама там окончила 9-й класс и сдала экстерном экзамены на аттестат зрелости. По совету двоюродной сестры **Раи Левиной (Лерман)** мама поехала поступать в Тамбов, где сосредоточилось много московских вузов (Рая Лерман жила в это время уже там после окончания Горьковской сельхозакадемии). Она поступила в Тамбовский пединститут на математический факультет. Туда же в Тамбов смогли перебраться бабушка с маминной сестрой **Нехамой**. К 1945 г. мама успела окончить только два курса института, но в это время не хватало учителей, и желающим разрешили сдать экстерном экзамены за курс учительского института (была тогда такая

форма обучения), что мама и сделала. По распределению она попросилась в Могилев, который был только что освобожден. Так всей женской семьей они переехали сюда. «Дом Сталина», где жили до войны, был разрушен, и они самовольно вселились в одну из пустовавших квартир «дома 90». Вселялись они в одну комнату, но после очистки мусора обнаружили дверь, которая вела во вторую комнату. Так они стали обладателями двухкомнатной квартиры. Когда дед вернулся с фронта и становился на учет в военкомате, их как раз стали выгонять как не имевших ордера. Только сопротивление деда-фронтовика и заступничество военкомата позволило квартире остаться. Сюда пришел и папа после возвращения и женитьбы, здесь родились мы с сестрой **Риммой**. Мама всю жизнь преподавала математику, сначала в Пашковской школе (здесь она вела и немецкий язык; по этому поводу она сказала, что эти ученики, пережившие оккупацию, знают язык лучше ее), потом в третьей школе. В 1947 г. ее перевели в школу № 2, где мама проработала по 1957 г., а затем в новую школу № 14 возле Минского рынка. Сюда в полном составе были переведены воспитанники детдома, находившегося возле селянской бани, у которых мама преподавала. Так и мама оказалась в школе № 14. Кстати, я тоже учился в этой школе, и мне было запрещено приближаться к маме ближе двадцати метров и, упаси Б-г, называть ее мамой — только по имени и отчеству и на Вы. Потом мама была переведена в новую школу № 21, где проработала до пенсии 1980 г. Умерла она в 1989 г. в неполных 64 года.

Брат отца, **Лев Гершевич (Григорьевич) Веккер**, был директором объединенных столовых Дома Советов, машиностроительного института и кафе «Дружба» напротив универмага.

Муж тети **Сони Веккер**, сестры отца, **Лев Захарович (Евель Залманович) Крючковский**, 1923 г.р., перед самой войной окончил школу № 3, поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище им. Дзержинского. Это было лето 1941 г., и курсантов вместо учебы забросили в Норвегию в качестве десантников. Всю войну он прослужил в морском десанте. По окончании войны он экстерном сдал экзамены за полный курс училища и в звании лейтенанта был направлен на Северный флот. Его воинской специализацией была радиоэлектроника. Служил в Рыбачьем, в Мурманске, на Соловецких островах. Закончил



Дом № 42 по ул. Первомайской.
Самуил Гершенович Веккер (слева) с детьми **Эдиком** и **Риммой**.
Фото 1953 г. из семейного архива Веккера Э.С.



Самуил Гершенович Веккер и Зинаида Шлемовна Веккер (Эхштейн) с сыном Эдиком.

Фото 1950 г. из семейного архива Веккера Э.С.

службу в Архангельске — всего 15 лет. В 32 года он получил звание подполковника. Служба во время войны ему шла год за четыре, на севере — год за полтора. Таким образом, в возрасте 37 лет он имел стаж службы 38 с половиной лет. Выйдя в отставку, он переехал в Могилев. Здесь он работал в школе № 11, преподавал и был завучем по производственному обучению. Потом он много лет работал в облстатуправлении и был секретарем его парторганизации. Последние годы жил в Израиле в Нацерет-Илите. Скончался в феврале 2007 г.»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ГРИШИНОЙ (Кацман)

Евгений Ефимовны (р. 1936)

«После возвращения в Могилев из эвакуации старший брат пошел учиться в ремесленное училище, а меня и младшего, **Додика**, отдали в детприемник, который находился на Первомайской. Оттуда нас отдали в детдом № 1 — дом детей войны. Здесь я прожила четыре года: с 1944 по 1948 г. Для меня жизнь в детском доме осталась довольно хорошим воспоминанием. Я там участвовала в художественной самодеятельности, танцевала. Помню, что мы в Минске на каком-то конкурсе в 1945 г. получили первую премию. Но, когда мне что-то не нравилось, говорила маме: «Забери меня!» А директор наш, **Анна Александровна**, не хотела меня отдавать. Ведь она знала и меня, и моих родителей еще до войны. Помню, что когда она меня увидела, то сказала по-еврейски:

«Азохун вей!» В 1948 г. меня хотели определить в минское хореографическое училище, и мы с мамой поехали туда. Меня экзаменовали, я очень понравилась, и предложили мне остаться, но предупредили, что надо будет нагонять остальных, заниматься в два раза больше. Но мама решила, что это не для меня, и мы вернулись домой. И, наверное, правильно сделали, потому что вскоре у меня обнаружили очаг в легких. Так что вдалеке от дома это могло для меня плохо кончиться. Вот тогда меня уже окончательно мама забрала из детдома, и я туда больше не вернулась. Пошла в школу, потом стала поступать в музыкальное училище. Это было как раз перед смертью Сталина в разгар кампании борьбы с «безродными космополитами».

Так вот в наше родное училище, где меня все знали, куда меня направил отдел культуры и где я успешно сдала все испытания, меня не приняли. Сказали, что я не национальный кадр. Конечно, глупо было бы винить в этом директора училища **Лазаря Марковича Зисмана**, у которого я учился еще в детской музыкальной школе игре на скрипке. Такова была государственная политика. Ну, а в следующем году умер Сталин. И в училище я прошла уже практически без экзаменов.

После окончания получила направление в Пропойск, тогда уже Славгород, где отработала один год, вышла замуж и уехала на Кавказ. Было это в 1958 г. Муж мой был талантливым режиссером, он работал в республиканском театре. Познакомились мы с ним на новогоднем балу-маскараде в кинотеатре «Родина». У него была совершенно еврейская внешность, и я была уверена, что он еврей. Так что, возвратившись домой, с порога закричала маме: «Мама! Можешь меня поздравить! Наконец-то я с евреем познакомилась!» Потом все же оказалось, что он русский, но это уже не играло особой роли.

В Осетии у меня родилась дочь **Зарема**. Материально жить было очень трудно. Муж написал письмо в Министерство культуры Белоруссии, и ему дали место в Бобруйском театре, куда мы и приехали. Я стала работать в музыкальной студии Дома офицеров. К сожалению, с мужем жизнь не сложилась. Он много пил. И, хотя у нас было уже две дочери, через 12 лет мы разошлись. В это время мы уже жили в Могилеве, где муж вел театральное отделение в культпросветучилище, а я тоже туда устроилась преподавателем и проработала 30 лет.



Евгения Ефимовна Гришина (Кацман)

В 1967 г. я заочно окончила Московский институт культуры. В 1968 г. вышла замуж за свою первую любовь **Рема Велигова**, с которым мы были давно знакомы. Он бывший моряк, могилевчанин. Родилась еще одна дочь. Но и с ним мы прожили недолго — разошлись по той же причине. Много лет я жила одна.

Потом я познакомилась с последним своим мужем **Александром Павловичем Гришиным**, который работал военруком у нас в училище. Это был замечательный, добрый, отзывчивый человек, которого очень полюбили мои дочери. К сожалению, мы прожили с ним только 11 лет, он недавно умер.

Вот так проходила моя жизнь. Не очень гладко. Всякое было. Но я по жизни оптимистка, так что мой оптимизм мне помогал всегда. Было и такое, что после аварии полгода лежала, прикованная к кровати. Но и это пережила. Как видите, все мои мужья не были евреями. Уж не знаю, почему так получилось. Хорошо это или плохо, тоже не знаю. Но сама я еврейкой себя ощущала, точнее, мне давали это понять неоднократно. Но я таким спуску не давала. Детдомовская закалка давала о себе знать. За слово «жид» готова была голову размозжить. Особенно в годы войны пришлось из-за этого много пережить. Конечно, нельзя сказать, что самоощущение мое еврейское внесено в меня моим воспитанием, средой. Скорее, нет. В детдоме евреев было мало, дома была одна мама. Так что особенно некому

было это мне передать. Тем не менее, знание, что я еврейка, жило во мне всегда. Меня знали и ценили еще в детдоме как очень красивую, талантливую еврейскую девочку, и я этим гордилась. А то, что в меня влюблялись именно русские... Значит, во мне было что-то такое, что их привлекало во мне, еврейке.

Немного подробнее расскажу о судьбе братьев. Старший брат **Семен Кацман** заменил нам после войны отца. Это был прекрасный человек, и о нем я хочу рассказать особо. Он очень хотел стать артистом и поехал в Москву поступать в театральное училище. Прошел два тура, но на третьем срезался и вернулся домой. Решил поступать в мореходное училище, море его тоже тянуло. И поехал в Архангельск, поступил на штурманское отделение. Но уже на практике на корабле выяснилось, что он страдает морской болезнью в такой тяжелой форме, что пришлось уйти. Его забрали служить в войска МВД в Хабаровский край, порт Ванино, охранять заключенных. Там он окончил 10 классов вечерней школы и возвратился домой. В 1957 г. с фамилией Кацман он смог поступить на заочное отделение исторического факультета МГУ в Москве. В 1963 г. благополучно его окончил. Но на работу устроиться так и не смог. Я ходила к секретарю горкома партии Балашову, когда Семен был еще на третьем курсе. Балашов меня знал хорошо еще по детскому дому, куда он ходил петь с нами. Выслушав меня, он сказал: «У нас своих историков девать некуда». Я говорю: «А Семен чей? Он родился в Могилеве. Он такой же наш, как и все другие». — «Я могу ему предложить работу в киоске». Это было просто издевательство. Брат два года отработал в Мостострое на строительстве нового моста через Днепр. Но на третьем курсе требовалась работа по специальности, которую



Давид-Ошер Кацман с женой и Е. Гришиной (Кацман)

в Могилеве он так и не нашел. В общем, когда мы уехали на Кавказ, я позвала его туда же. Там ему предложили работу пионервожатого в школе-интернате в горном районе. Он согласился. Оттуда он потом переехал в Северодонецк на Украине, где уже стал работать историком. Там он организовал два музея боевой славы. Там и умер после тяжелой болезни, тело его мы перевезли и захоронили в Могилеве.

Средний брат Давид был очень способным парнем, но учиться не хотел. Стал монтажником. Работал по всей Могилевской области, монтировал оборудование молокозаводов. Был на очень хорошем счету. Его очень уважали, выбирали всегда бригадиром. Потом его младшая дочь уехала в Израиль. Он не хотел ехать, но ради дочери решился. Там он и умер от сосудистого заболевания.

В 1993 г. мне позвонили из еврейской воскресной школы и сказали, что приехали какие-то американцы **Кацманы**, разыскивают своих родственников. Они представили свою примерную родословную, и там решили, что я подхожу лучше всего. Так я познакомилась с **Давидом-Ошером Кацманом** и его женой. Его родственники тоже родились в Сухарях, а потом переехали в Могилев. Кое-что сходилось с биографией моих предков, но были некоторые неувязки, так что мы не пришли к какому-то окончательному выводу.

Сам Давид — профессор-радиолог из Сан-Диего. Приехал он сюда именно для того, чтобы отыскать здесь свои корни, воспроизвести свою родословную, если возможно, найти могилы дедов. Давид знал, что в старом здании нынешнего университета был когда-то большой торговый центр, владел которым богатый еврей, а дед Давида работал у него. Мы долго ходили по старому кладбищу, искали могилу деда. Жена Давида протирала тряпочкой могильные плиты, пытаясь прочесть фамилии. Но так мы ничего и не нашли, а состояние кладбища привело их в шок, правда, это уже другая история»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ИОФФЕ Наума Абрамовича
(р. 1941)

«Мои родители вышли из бедных еврейских семей. Мать, **Эстер Янкелевна Либина**, родом из Чаус. Семья ее была настолько нищей, что в 17 лет ей пошили платье из покрашенного краской мешка. В свое время она подрабатывала за копейки тем, что мыла полы в синагоге, где отец пел. Она перед войной хотела ехать учиться, но отец ее не



Большая семья **Либиных**. Могилев. Фото 20-х гг. XX в. из семейного архива **Иоффе Н.А.**



Яков Либин (Янкель Чаусер),
дед **Наума Абрамовича Иоффе**, с женой.
Фото 30-х гг. XX в. из семейного архива Иоффе Н.А.

пустил. Мама работала на заводе им. Димитрова (теперь «Строммашина»). Один раз она опоздала минут на 10 на работу, и ее за это судили, но обошлось штрафом. Опоздания наказывались очень строго. Мама рассказывала, как директор завода, где она работала, однажды влетел в свой кабинет в нижнем белье и в пальто. Он так торопился, чтобы не опоздать, что не успел одеться.

Дед **Янкель**, отец мамы, был портным и кантором в синагоге на Дебре, где и жила их семья. Так как он был родом из Чаус, то звали его **Янкель Чаусер** (ударение на «у»). Он плохо слышал. В дореволюционные времена, еще до Первой мировой войны, многие евреи как-то калечили себя, чтобы не идти в армию. Дед тоже налил себе что-то в ухо, стал плохо слышать, но в армию его все равно забирали. Он был очень религиозным евреем, и о нем говорили, что мог он хорошо делать две вещи — детей и молиться. Он умер в эвакуации в Куйбышеве в 1942 г.

Дед **Зелик** жил в Сельце под Могилевом, и жил, наверное, не бедно: он занимался сельским хозяйством да еще приторговывал лесом. Хорошо знали его окрестные крестьяне, потому что он любил погулять. Когда пил Зелик, гуляла вся деревня. Одна из таких гулянок вспоминалась при мне. Гуляла деревня. Прискакал вестовой и сказал деду, что его усадьба горит. А он повернулся и спросил: «Жену спасли? Детей спасли? А дом пусть горит». Пьянка продолжалась. Отпьянствовали. А потом мужики все собрались и отстроили новый дом. Мама рассказывала, что видела деда до войны. Это был высокий, красивый старик. Погиб он во время войны в своей деревне, но как это было, никто уже сказать не сможет.

Отец **Абрам** тоже родился в Сельце. Он был младший в семье. С шести лет пас коней. Потом их

раскулачивали. Пришли и объявили, чтобы готовились, — семью вывезут. А через 3 или 4 дня сказали, чтобы шли и все забирали, вышла ошибка. В семье было 11 или 12 детей, был приبلудный русский мальчик Микита. Не меньше 14 душ всего. Поэтому когда посчитали их землю, двух лошадей и три коровы, что у них были, то получилось, что землю еще надо прирезать. Отец учился в еврейской школе. Хорошо говорил на идиш и знал иврит и молитвы. Уже в старости его приглашали читать кадиш на кладбище.

Когда стали строить шелковую фабрику, отец устроился на работу и на грабарке (грузовой телеге-самосвале) возил землю и другие грузы на стройку. Когда отец участвовал в этом «красном транспорте», ему выдали наган и доверили получение зарплат. Вспоминал, что однажды девушки из банка по ошибке выдали ему сумму, намного большую, чем было надо, но он все вернул.

Потом отец работал заместителем по хозяйству дома отдыха в Могилеве.

Мать эвакуировалась вместе с заводом в Куйбышев. Это был последний эшелон из Могилева. Мама была беременной. Отец прибежал с завода и сказал маме, чтобы она скорее собиралась. Ведь неизвестно, когда отправление поезда. Мама сказала, что не поедет, потому что не едет бабушка, ее отец. Отец говорил бабушке: «Неужели вы не понимаете, что и она, и мы все погибнем из-за вас?» Дед, наконец, согласился. Тогда отец в спешке схватился за диван, где у нас лежала теплая одежда. Я помню этот диван. Он был с большими кожаными подушками, с зеркалами на деревянной спинке. Отец нервничал, спешил и так рванул, что спинка дивана треснула (потом мы нашли этот диван и другие свои вещи именно по этой поломанной спинке). Мать говорила: «Зачем нам все это? Мы же скоро вернемся. Немцев быстро разобьют». Незадолго до войны мамин брат, полковник, брал ее на учения в Минск. Она видела там новое вооружение, танки. Она была уверена, что мы так сильны, что немцев за несколько дней разобьем.

Папа участвовал в закапывании оборудования предприятий. Их должны были вывезти, но сказали на станции, что немцы перерезали дорогу. Потом ему пришлось пробираться через линию фронта. Приехал к нам. По дороге убили его друга. Немецкий летчик увидел его белую рубашку и охотился за ним. Потом отец работал в Куйбышеве зам. нач. госпиталя. На фронт его не взяли по здоровью. Он был инвалидом 2-й группы по зрению. Начальница госпиталя, такая старая прокуренная коммунистка, без семьи, прочитала документы отца. Она сказала: «Ладно. Я тебя возьму, но ты



Эстер Янкелевна Иоффе (Либина)
с сыновьями **Наумом** (слева) и **Яковом**.
Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Иоффе Н.А.

должен наладить подвоз раненых с эшелонов. На работе останешься только, если машины начнут работать. В средствах я тебя не ограничиваю. Но денег нет. Сильно закон не нарушай, а так я тебя прикрою своим авторитетом». Была только подвода с лошадьёю и две поломанные полторки. Раненых прибывало очень много. Дала начальница ему двух шоферов покрепче из выздоравливающих, и стали они на подводе «левые» рейсы делать, когда эшелонов не было, и так деньги зарабатывать на запчасти. Сначала одну машину собрали и, с ее помощью, и вторую полторку поставили. Тогда начальница стала хвалить отца. Там он всю войну отработал.

А мама в это время меня рожала. Родились близнецы, но второй брат сразу умер. Мать переболела тифом. Чуть не умерла. Сторож шел по двору, услышал, что кто-то копошился в мертвецкой. Увидел, что мама шевелится, и поднял шум. Выжила и прожила долгую жизнь. А я в это время был в каком-то детском доме. Меня там потом нашли.

Два моих дяди, военные, — полковник **Лазарь Янкелевич Либин** и старший лейтенант **Файва Янкелевич Либин**, мамини братья, — погибли на фронте. Один под Витебском, другой под Нарофоминском.

Третий брат, **Изя Янкелевич**, прошел всю войну (и японскую тоже). Умер в Ленинграде.

В 1944 г. отца направили в Могилев. Мать была беременной и со мной маленьким на руках.

Хорошо помню реформу 1947 г. К этому времени в нашей семье дела немного поправились. Богачами не были, но появились деньги. Отец работал на железной дороге и постоянно был в отъезде. Он сопровождал грузы и еще что-то делал. Помню очереди за хлебом. Хлеб выдавали по карточкам в магазине на Ленинской. Люди занимали очередь. Приходил милиционер **Глазов**. Невысокий такой русский мужичок. Его очень уважали, потому что знали: он был честен и перед собой, и перед людьми, и перед женой. Он ставил женщин с детьми и беременных впереди

очереди. Никто не возражал. Знали его все: от мала до велика.

Возвращались в Могилев евреи. Помню, как ходили с отцом в баню. Так все мужики покалеченные были, все в шрамах. Даже смотреть страшно. Только мой отец целый. Потом их все меньше и меньше становилось. Ведь и жили недолго.

Я учился в школе № 3. Это была школа для мальчиков. В 5—6 классе появились девочки. Мы смотрели на них огромными глазами. У меня преподавал русский язык **Михаил Иосифович**



Абрам Зеликович Иоффе, отец **Наума Абрамовича**.
Фото конца 30-х гг. XX в. из семейного архива Иоффе Н.А.



Наум Иоффе с мамой на пороге своего дома.
Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Иоффе Н.А.

Шульман, но вспомнили мы об этом через много-много лет, и то случайно, когда он меня втянул потом в еврейское движение.

Потом стали постепенно застраиваться погорельцы. Я помню Могилев тех лет. У парка Горького были каменные ворота, они сохранились после войны. Потом — музей, тогда там были солдатские казармы, куда мы бегали смотреть фильмы. Там мы смотрели «Падение Берлина». Уцелело здание Ставки, где был потом клуб стройтреста № 12, а дальше зданий не было. Слева стоял «Голубой Дунай», деревянное такое сооружение. Пьянствовали там. Дальше — обувная фабрика. Возле нее — разрушенное подковообразное здание церкви с громадными, очень красивыми картинами на стенах. Затем была кузня, на месте которой сделали магазин «Газ-Воды». Это был большой павильон с двумя площадками по концам, там, где поставили дом Политпроса. Перед ним еще стояло зеленое 2-этажное здание облвоенкомата. Его сначала капитально отремонтировали, а потом сразу снесли. Вроде бы выяснилось, что там нет фундамента, а стоит оно на дубовых чурках.

По правой стороне, в глубине, где детсад № 33, стояла церковь. Дальше сохранился дом мяскокомбината, там где потом был «Пингвин». Тут же стояло желтоватое здание общежития медтехникума. Его снесли позже. Теперь там выставочный зал.

После войны в Могилеве ходил один-единственный газогенераторный автобус красного цвета, «питавшийся дровами», трофейный. Чтобы попасть в Заднепровье, надо было ловить попутку или идти пешком. Деньги брали за каждую остановку, и все время была ругня. По воскресеньям отец брал нас кататься от вала (драмтеатра) до вокзала и назад. Потом мы всей улице хвастались, и нам завидовали.

Был еще один повод для зависти у соседей — это ночное освещение. Уличный свет в частных домах был большой редкостью. После войны работал паровоз, который давал свет. Освещались дома, предприятия, но на освещение всех энергии не хватало. Освещали только там, где это требовалось по производственной необходимости, или если было разрешение. У отца такое разрешение было. Он работал на железной дороге, и его часто вызывали ночью. Вечером на всей улице темно. В домах горят керосинки, а у нас горит свет. Надо было только вилку воткнуть в розетку. Все завидовали.

Купались мы в Дубровенке. Она тогда чистая была. Делали запруду. Вода поднималась нам по горло.

У меня был дружок **Витька Александрович**, его отец — военком. Мы с ним тоже как-то шпиона поймали. Увидели, что в разрушенной церкви прячется мужик какой-то. У него в руках пистолет. Мы побежали в милицию на Виленской. Все рассказали. Этого мужика задержали. Кто он был и что с ним было, я не знаю. А нас с Витькой наградили кусками комбижира. Прибегаю я гордый домой, а мать спрашивает: «Ты что, украл?» А я ответил, что наградили. Так и не поверила сразу.

Мы торчали все время возле кинотеатра «Родина». Названия фильмов вывешивались на маленьком листочке. Один раз смотрим — «Тарзан». Пошли, посмотрели и тут же — опять в кассу за билетом на следующий сеанс. Посмотрели второй раз и пошли всем говорить о том, какой это замечательный фильм. Потом на него были дополнительные сеансы на двенадцать и полвторого ночи. Отец вечером высыпался, а ночью шел в кино. Родители, чтобы нас обмануть, говорили на идиш: «Пойдем посмотрим то, что кидается на стене». Но мы все понимали. Взрослые: мама, ее старшая сестра, отец, всегда дома говорили на идиш.

После войны в Могилеве проводились большие выставки достижений народного хозяйства. Помню огромных свиней, коров, коней-тяжеловесов. Там, где поворот на Луполово, стояли громадные деревянные павильоны, очень красивые и нарядные. А там, где Дворец культуры, эти кони соревновались. Богатая выставка была со всей области.

Каждый вечер после работы взрослые собирались в складчину то у нас, то у **Геллеров**, то у других соседей. Все что-то приносили с собой. Играли в карты, песни пели, не пили. У каждого своя боль после войны — люди не могли оставаться с ней наедине.



Полковник **Лазарь Янкелевич Либин**.
Погиб в 1944 г. под Витебском в боях
за освобождение Беларуси.
Фото из семейного архива Иоффе Н.А.

Соседом нашим был портной **Голумб**. Помню, как к нам перекидывали через забор сшитые им пальто, когда финотдел приходил с обыском. **Геллеры, Кацы, Голумбы** — все теперь уехали. Даже трубчист **Сеня**. Он тоже жил на нашей улице. Ходил с метелкой. Трубчист был очень уважаемым человеком.

Много театров приезжало на гастроли. Больше всего запомнились еврейские певцы **Анна Гузик, Горовец**. Все евреи ходили их слушать. После обязательной программы они пели, что хотели. Принимали их с восторгом. Так хлопали! Обычно они пели в летнем театре.

В Канашовское военно-транспортное училище, куда меня посылали, я ехать отказался. После него давали диплом с правом преподавания истории КПСС в средней школе. А в Армавирское меня не пустили — не та графа. Я окончил техникум, потом машиностроительный институт. Работал в строительстве. В строительном управлении № 186 в отделе комплектации».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ВАЙМАН Ривы Исааковны
(р. 1924)

«**Исаак Моисеевич Дудкин** родился в 1919 г. в еврейском местечке Сухари, что в 30 км от Могилева.

В сентябре 1939 г. он окончил Могилевский пединститут по специальности «Русский язык и литература». В 1940 г. преподавал в политпросветтехникуме и средней школе № 2. С апреля по ноябрь 1940 г. по совместительству заведовал педкурсами при облоно. Затем был мобилизован в армию и направлен в Латвию и Литву в г. Шауляй. Служил заместителем политрука батареи.

У Исаака было сильное заболевание глаз, и еще перед началом войны его демобилизовали и отправили домой. Служил он в одном полку с самым близким своим другом, **Борисом Залмановым**, с которым учился в институте. Борис остался в армии и погиб во время войны. На обороте фотографии, которую Борис подарил Исааку, по-видимому, во время расставания, написано: «Пусть наша дружба, еще более окрепнувшая (так в оригинале. — А.Л.) в Прибалтике, где мы мерзли и мокли вместе, бок о бок, согревая друг друга, вечно живет в сердцах каждого из нас». Всю свою жизнь Исаак нес в себе какую-то вину за то, что он остался жив, а друг его погиб. Особенно это чувство вины у него обострилось в последние годы его жизни. Мне кажется, что его жизнь, такая насыщенная многими другими бедами и страданиями, просто отодвигала это чувство на задний план сознания.

К началу войны Исаак уже был женат на **Басе Ванилер**, своей троюродной сестре по матери и моей однокласснице (я окончила школу № 3, а она ушла после седьмого класса на курсы бухгалтеров).



Исаак Дудкин и Борис Залманов в Крустпилсье, Латвия.
Фото февраля 1941 г. из семейного архива Вайман Р.И.



Исаак Дудкин ведет занятия в училище МГБ.
Фото конца 1940-х гг. из семейного архива Вайман Р.И.

В эвакуацию они уехали всей семьей. Сохранилась фотография похорон в Средней Азии Басино отца. На фотографии есть и Бася, которая в то время была беременной. К сожалению, ребенок родился мертвым.

Исаак работал вольнонаемным в военкомате села Каганович в Киргизии, сопровождал мобилизованных солдат по назначению. Во время такой поездки на одной из станций он случайно встретил нашу с Басей одноклассницу **Сою Козлову**, которой успел передать свой сухой паек, такой ценный в то время. Она всю жизнь потом вспоминала об этом случае и была ему очень благодарна.

Вся семья **Дудкиных-Ванилеров** вернулась в Могилев в 1944 г. сразу после его освобождения. А уже через год Исаак работал преподавателем русского языка и литературы в училище МГБ в Могилеве. Ему было присвоено звание лейтенанта.

Знаю, что после войны его с радостью встречали ученики, которых он учил во второй школе. Среди них была **Рива Гиндина**, которая вспоминала, что это был учитель от бога. Уроки были очень увлекательными, так что они были все влюблены в преподавателя. В училище у него тоже было много друзей-преподавателей. Его уважали и ученики, и коллеги за его эрудицию, добросовестность, обязательность, ответственность. Время показало, что эти качества очень помогли ему справиться с трудностями в дальнейшем.

В 1951 г. это училище массово сокращали, так что Исаак тоже был уволен. Работал преподавателем средней школы № 8, а потом директором сменной школы рабочей молодежи № 8, которая находилась сначала в школе

№ 16 в Кооперативном переулке (сейчас ул. Мигая), а потом на территории комбината шелковых тканей. Здесь он проработал до ухода на пенсию в 1980 г. В это время он был и членом педобщества, и районного совета по образованию. После выхода на пенсию он еще долго работал в своей первой школе № 8. Его очень уважали коллеги. Это был строгий, требовательный, но добрый руководитель.

Уже через много-много лет в Израиле к нам в банке подошла женщина, которая обратилась к Исааку, сказала, что она его ученица, что она ему очень благодарна за его человеческое отношение. Она жила далеко от школы и не всегда могла вовремя приехать на занятия. Она вспоминала: «Когда я опаздывала, Вы меня не ругали, а успокаивали, давали попить чаю, говорили, что я еще успею получить все знания».

В школе у него половина учителей были евреями: вела математику и была завучем **Хася Абрамовна Мясникова**, завучем в другое время была еще одна «математичка» **Раиса Львовна Пуховицкая**. Историю вела **Раиса Ефимовна Козинец**, математику — **Любовь Вениаминовна Александрова (Махлина)** и **Раиса Григорьевна Розина**, немецкий язык — **Сима Моисеевна Воин**, физику — **Леонид Григорьевич Гимпельсон**. Очень активной в общественной жизни была **Марлена Григорьевна Бруксон**. Она организовывала всяческие утренники и вечера, концерты и посиделки. Преподавал в школе и ее брат, но как его звали и какой предмет он вел,



Исаак Дудкин с женой **Басей** и дочкой **Асей** на улице Могилева.
Фото 1950-х гг. из семейного архива Вайман Р.И.

я не помню. Это только часть из тех, кто был учителем в восьмой школе, пусть простят остальные, кого я не вспомнила.

Оказывается, Исаак знал меня еще до войны, а я знала, что в семье Ванилеров живут два брата, которые учились в пединституте. Я вернулась в Могилев 1 октября 1945 г., и на нашей свадьбе с **Лазарем Литиным** в ночь с 31 декабря 1945 г. на 1 января 1946 г. были все Ванилеры, и Исаак тоже, ведь он был старым другом Лазаря и его земляком. Помню, что самогонку пили из блюдечек, а закусывали какой-то американской фасолью.

К сожалению, жизнь его оказалась очень непростой. Жили они в той самой квартире Ванилеров в Пожарном переулке. Там было три спальни и зал. Кроме их семьи, здесь жили дядя Баси Давид с женой и Басина племянница.

Кроме того, там по приглашению очень доброго человека, **Давида Ванилера**, постоянно останавливались те, кто возвращался с войны или просто родственники. Так что там жило всегда больше десяти-пятнадцати человек — в спальнях, в коридоре, на кухне. Такая перевалочная база, как на вокзале. Кстати, и мой будущий муж Лазарь там тоже останавливался, когда демобилизовался в октябре 1945 г. Он тогда написал в Сухаревский сельсовет, где ему сообщили, что вся его семья погибла, и дали адрес Исаака Дудкина. Тот ответил, что ждет, так Лазарь и попал в их дом.



И. Дудкин с преподавателями математики сменной школы № 8 **Любовью Вениаминовной Александровой (Махлиной)**, **Раисой Григорьевной Розиной** и **Х. Мясниковой**.
Фото 1962 г. из семейного архива Вайман Р.И.

Через некоторое время Бася тяжело заболела. Медицина была бессильна, и Исаак объездил всю Белоруссию в надежде найти чудодейственное лекарство, знахарей и лекарей. В деревне Браково жила травница Анюта, совершенно слепая, сестра учительницы химии в его школе. От нее он привозил множество трав и рецепты. Забегая вперед, скажу, что, когда мы с ним собирались пожениться далеко уже не молодыми людьми в 80-х гг., он повез меня к Анюте. Та сидела на печи с открытыми голубыми незрячими глазами, взяла наши руки и сказала, что мы долгожители и подходим друг для друга. Для Исаака это было очень важно.

Бася умерла от рака легких в 1959 г., и Исаак остался с тремя детьми: **Зорику** было 14 лет, **Асе** — 10 лет, **Борису** — 3 года. Тогда Бориса устроили в детский сад, и это стало началом еще одной страницы в жизни Исаака. Там работала воспитательницей **Галя Евес**, которая очень жалела Бориса и прониклась большим уважением к Исааку. Этот детский сад выезжал на лето в Печерск, и в это время он старался взять путевку в дом отдыха, который был рядом с этим детским садом, чтобы быть поближе к сыну. Через четыре года Галя познакомила Исаака со своей сестрой **Соней**, очень обаятельной, красивой женщиной. Через некоторое время они поженились, построили себе кооперативную квартиру. Но после рождения сына **Михаила** Соню парализовало. Это было большое несчастье. Нужно



И. Дудкин на пороге родного дома в местечке Сухари.
Фото 1968 г. из семейного архива Вайман Р.И.

было работать, поднимать детей, поддерживать больную жену. Поскольку он работал в сменной школе, нужно было ходить на работу и утром, и вечером. В обществе «Знание» и «Педобществе» платили по 5 рублей за лекцию, так что Исаак подрабатывал и там. Старался подзаработать, где только мог.

Мы дружили семьями, часто бывали в гостях друг у друга. Когда было время, я заходила между занятиями в техникуме проведать Сою. В 1978 г. она умерла: не выдержало сердце. Исаак снова остался один.

Мы поженились, как я уже говорила, в 80-х гг. XX в. В 1994 г. уехали в Израиль. Наша совместная жизнь до его смерти в 2001 г. была полна теплоты, понимания и взаимоуважения».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ШЕЛЕПИНОЙ Белы Соломоновны

«В нашей семье было семеро детей: две сестры (я и **Нина**) и пять братьев (**Михаил, Наум, Григорий, Рувим** и **Арон**). Младший наш брат умер совсем маленьким. Как тогда это было принято, в семье работал только папа. Сначала официантом в ресторане, который находился около городского театра, на Комсомольской улице, а затем директором железнодорожной столовой. Всячески старался обеспечить семью. Папа был очень умным человеком и страстно любил музыку, [...] мечтал, чтобы все дети стали музыкантами. Играть на рояле было заветной, но оставшейся неосуществленной мечтой его детства и юности. Поэтому когда в нашем доме появился старинный венский рояль, его приняли как долгожданного члена семьи. Рояль был коричневого цвета с очень длинным «хвостом». Он занимал всю комнату. Отец называл его «прямострунка», очевидно, инструмент имел старую механику. Все дети учились в музыкальной школе: я и Нина — игре на рояле, Миша и Рува — на скрипке. Брату Грише, всегда мечтавшему тоже стать музыкантом, помешала война. [...]

Наш брат Наум был очень одарен в области химии. Весь дом был заставлен колбами с какими-то жидкостями. Он постоянно проводил опыты, от которых мы все дрожали, боялись, что дом взорвется. Но он был одержим, как все талантливые люди. В школе его называли не Наум Менделеевский, а Наум Менделеев — в честь выдающегося химика. Внешне он был очень похож на отца. И характером был такой же жесткий. Кто знает, если бы не война, может быть, он стал бы известным ученым-химиком. На войну он пошел добровольцем, служил в танковых войсках.

Под Сталинградом получил пулевое ранение в бедро. Прямо из госпиталя он был отправлен к нам, в Камское Устье (в Татарии, где жила во время эвакуации наша семья) на долечивание

и в кратковременный отпуск. Это была наша последняя встреча. Вскоре он вернулся на фронт и погиб в поселке Ярцево, под Смоленском.

Брат Миша не хотел учиться играть на скрипке. Отец его за это сильно ругал. В один прекрасный момент Миша понял, что у него есть единственный шанс избавиться от скрипки — просто-напросто ее потерять. Так он и сделал. На этом его музыкальные университеты были окончены. Зато он с огромным удовольствием учился в школе ДОСААФ и летал там на самолетах. Мама, работая в саду около дома, то и дело поглядывала на пролетающие над головой самолеты, потому что Миша, пролетая над нашим домом, всегда посылал приветствия, покачивая крыльями своего самолета. В начале войны он попал в школу младших авиаспециалистов (ШМАС). По окончании он был направлен на военный аэродром, где прослужил, к сожалению, недолго. В самом начале войны немцы разбомбили эту военную часть полностью. Никто не уцелел.

Брат Рува был удивительно красивым ребенком. До войны он учился играть на скрипке. Мама сшила ему очень красивый бархатный костюм, который он всегда надевал, когда шел на урок в музыкальную школу. Красавец-мальчик в бархатном костюме, с «бабочкой» на шее и со скрипкой в руках. Все прохожие оглядывались, до того это было очаровательное зрелище. Рува успел окончить только четыре класса, когда началась война. Семья эвакуировалась в Камское Устье, и вся жизнь пошла «наперекосю». Там Рува учился в обычной общеобразовательной школе. Жаль, что музыкальной школы там не было и музыкой заниматься было не у кого. Насколько он был красив, настолько же и одарен. Никогда не имел «четверою». Только «отлично», всегда, по всем предметам; в конце учебного года он неизменно приносил похвальные грамоты из школы. В 1946 году, когда мы вернулись назад в Могилев, Рува поступил в училище, на кларнет, в класс преподавателя **Ивана Павловича Лущикова**. Это было правильное решение, так как из-за упущенного из-за войны времени учиться играть на скрипке ему было уже поздно. Учился он блестяще. Только на «отлично». Занимался очень много. Все говорили, что он имеет просто выдающиеся способности. Звук у него был необыкновенной красоты и теплоты. Он умел своей игрой добраться до самых отдаленных уголков души и буквально завораживал. Когда Рува играл кантиленные вещи, без слез его кларнет невозможно было слушать. Казалось даже, что он не берет дыхания, а играет с начала до конца все на одном вдохе. Техника его была феноменальна, поразительна. Я помню, в каком бешеном, феерическом темпе играл он «Польку-бабочку», Концерт К.-М. Вебера, «Полет шмеля» Н. Римского-Корсакова. Параллельно он посещал вечернюю школу-десятилетку и сдавал все экзамены на «отлично».

В 1951 году, после окончания Рувой Могилевского музыкального училища, Нина повезла его

в Белорусскую государственную консерваторию (ныне Академия музыки). Это были страшные годы — разгул антисемитизма, новая сталинская волна борьбы с «врагами народа», «дело врачей» и тому подобное.

Рува блестяще сдал все приемные экзамены, все на «отлично». Приемную комиссию на экзамене по специальности он просто ошеломил. Но на последнем экзамене, которым была история Коммунистической партии, он получил оценку «два». Экзаменаторы его спрашивали долго и упорно. Сначала он ответил на вопросы билета, потом началась «экзакуция». Это было не просто собеседование, а не указанный в программе приемных экзаменов коллоквиум. Ему задавали вопросы, довольно далекие от истории партии: по литературе, живописи, истории философии, политике и другим смежным наукам. Рува имел смелость, отвечая, высказывать свои мысли. Тогда никому это не было позволено — иметь свое мнение. Ему чуть не «пришили дело». Комиссия по специальности высказала свою особую просьбу к педагогам по истории партии: поставить Мендзелевскому проходной балл, учитывая его редкий музыкальный талант. Но эту стену, даже не из камня и бетона, а просто из не существующего в природе материала, прошибить было невозможно. Тогда Нина приняла стремительное решение и увезла Руву в Вильнюс. Там приемные экзамены были уже закончены. Все профессора были отпущены в отпуск. Ректором Вильнюсской консерватории был тогда прекрасный музыкант и известный композитор Б. Дварионас. К счастью, он единственный оказался на месте и согласился Руву прослушать. Нина показала Дварионасу все документы брата — везде был единственный балл — «отлично». Ректор сразу понял его огромную одаренность. Пользуясь своими полномочиями, он мгновенно отозвал из отпуска приемную комиссию, и в течение одного дня были проведены вступительные экзамены по всем предметам. С отличными оценками Рува был зачислен в консерваторию. Кстати, по истории партии он получил тоже «отлично». В его поступлении, конечно, была огромная Нинина заслуга. По окончании Вильнюсской консерватории Рува остался работать в этом городе в филармонии в должности артиста Вильнюсского симфонического оркестра. В золотом фонде Вильнюсского радио сохранились его сольные записи. К сожалению, судьба его сложилась трагически: он погиб от алкоголя.

С Вильнюсом в нашей семье связано еще одно событие. В июне 1972 года моя очень талантливая семнадцатилетняя племянница **Рита Мендзелевская**, дочь Нины, получила диплом и специальный приз на Межреспубликанском конкурсе молодых музыкантов-исполнителей.



Л.И. Каганов, Б.В. Геллер, Б.С. Шелепина.

Фото из архива музучилища

Тогда Рита была еще ученицей средней специальной музыкальной школы при Белорусской консерватории (сейчас это Лицей) в классе доцента И.А. Цветаевой. [...]

Я не собиралась делать музыку своей профессией. Поскольку с папой спорить было бесполезно — необходимость обучения в музыкальной школе не подлежала никакому обсуждению, — я окончила ее по классу рояля у **И. Корневской**. Тогда период обучения составлял только пять лет. Заниматься на рояле я не любила, зато очень любила петь. Мы часто выступали с Ниной вместе на городских концертах художественной самодеятельности. В основном я пела романсы из репертуара Клавдии Шульженко. Нина мне аккомпанировала. Она обладала удивительным талантом свободно играть все по слуху. [...]

В 1950 году я окончила музыкальное училище и получила две квалификации — артистки хора и преподавателя по классу фортепиано в музыкальной школе, поскольку я хорошо владела этим инструментом. **Л.М. Зисьман** пригласил меня на работу в Могилевскую музыкальную школу (ныне Лицей), где я провела всю свою трудовую жизнь, до выхода на пенсию. Трое моих учеников стали лауреатами конкурсов. [...]

По своей второй специальности я тоже работала. Много лет руководила хором в деревне Княжицы. В моем хоре пели работники сельской больницы, учителя школы, полеводы, доярки и другие сельские жители. Два раза в неделю «на общественных началах» мы с замечательным баянистом **М.Ф. Кастрицей** ездили в Княжицы на занятия хора. На областном смотре сельской художественной самодеятельности мой хор получил первое место» (по книге **Волковой-Мендзелевской М.** Нина Мендзелевская: жизнь, посвященная музыке. — СПб.: Алтейя, 2005).